

ПЁТР КОН

Эфемериды
звёздного света

Часть 2

К звёздам

Пётр Кон

**Эфемерида звёздного
света. Часть 2**

«Автор»

2026

Кон П.

Эфемерида звёздного света. Часть 2 / П. Кон — «Автор»,
2026 — (К звёздам)

Новый год в космической академии Королёва оборачивается кошмаром: кто-то пытается убить Романа Никитина, и этот кто-то – совсем близко. В водовороте событий, где правосудие Флота оказывается слепым, а враги – не теми, кем кажутся, Рома обретает нечто большее, чем безопасность. Он встречает ту, ради которой готов рискнуть всем. Но на пути к счастью встают не только древние тайны и семейная вражда - тень прошлого подбирается всё ближе, а загадочный враг, затаившийся среди своих, ещё не закончил свою игру. Флот уходит всё дальше от Солнца. Эстерайская империя ближе, чем кажется. И самое опасное оружие врага – не лазеры и не вирусы, а тайны, которые герои хранят друг от друга. Вторая книга цикла «К звёздам».

© Кон П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Стробоскопический кошмар	5
Притча и матч	14
Всемирный день телевидения	21
Противостояние	28
Сверш	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эфемерида звёздного света. Часть 2

Стробоскопический кошмар

Восстановление Тамара в Академии и их с Зоей возвращение на факультет Стратегической разведки стало тихим, но радостным событием для всего взвода. Новость встретили с одобрительными улыбками и кивками – все понимали, какой ценой далось это примирение.

Влюблённые, конечно, старались не выставлять чувства напоказ, но их обновлённое состояние было очевидно всем на протяжении всего октября. Даже на лекциях они неосознанно тянулись друг к другу: их стулья стояли чуть ближе, взгляды встречались чаще, а в тихие минуты между парами их пальцы ненадолго сплетались. Зоя, обычно ярая поборница дисциплины, не могла устоять перед коротким, украдкой брошенным поцелуем в пустом коридоре – её принципы таяли, как иней на тёплом стекле.

В один из таких дней их застала врасплох подполковник Жокей. Перемена ещё не закончилась, аудитория гуляла разноголосым гомоном, но Виктория Николаевна вошла за минуту до звонка – и присутствующие курсанты мгновенно притихли, рассаживаясь по местам с той особой поспешностью, какую вызывало одно лишь её появление.

Тамар и Зоя, сидевшие за одной партой, в этот момент как раз соприкоснулись лбами – жест настолько невинный, что они даже не придали ему значения. Но взгляд преподавательницы, скользнув по аудитории, зацепился именно за них.

– Науменко, – голос Жокей прозвучал ровно, без повышения тона, но от этого особенно отрезвляюще. – Твоё зачисление обратно – великодушная поблажка, и она последняя. Исключение, сделанное ровно один раз. Я лично присутствовала, когда генерал Полуненко подписывал приказ о твоём восстановлении. Мне и следить за тем, чтобы исключение не превратилось в опасный прецедент.

Она сделала паузу, пронизывая влюблённую парочку строгим взглядом.

– На вашем с Иноземцевой месте я бы не испытывала судьбу слишком часто. Особенно в моём кабинете.

Тамар, чувствуя, как уши заливаются краской, чуть отодвинулся – ровно настолько, чтобы между ним и Зоей образовалась демонстративная, почтительная дистанция. Жокей, удовлетворённая эффектом, неторопливо прошла к своему столу, раскрывая журнал.

Но, как вскоре выяснилось, Виктория Николаевна была далеко не единственной, кого раздражало это тихое счастье. На фоне идиллии Тамара и Зои контрастом выделялось настроение Гузель Менажетдиновой.

Девушка словно сжалась, ушла в себя, её обычная энергия и дерзость сменились почти осязаемой печалью. Она ходила по коридорам, погружённая в свои мысли, и эта перемена не ускользнула от внимания сокурсников. Однако, следуя неписаному кодексу, никто не подавал виду и не лез с расспросами. Да и сама Гузель не искала сочувствия – её терзания оставались её личным, неприкосновенным островом грусти.

Не разделял всеобщего умиротворения и Вектор. Спустя несколько дней наблюдений за неразлучными Тамаром и Зоей, за счастливо улыбающимися Ромой и Василисой, в нём начало нарастать глухое раздражение, переходящее в тоску. Ему приходилось скрывать свои отношения с Наташей, превращать редкие встречи в конспиративные операции, и этот постоянный обман, эта необходимость таиться на глазах у всех давили на него. Он чувствовал себя актёром, играющим не свою роль, и с каждым днём это становилось невыносимее.

Пятничный вечер застал ребят в кают-компании, в атмосфере редкого, ничем не омрачённого отдыха. Воздух был наполнен гулом негромких разговоров и электронными звуками игр.

Рома сосредоточенно обходил голографический бильярдный стол, вращая в руках электронный кий. Виртуальные шары, переливающиеся всеми цветами радуги, лежали в идеальной пирамиде. Он долго прикидывал траекторию.

– Ну что, стратег, – усмехнулся Тамар, откинувшись на спинку дивана, – долго будешь войсками разворачивать?

– Тут спешить – только портить, – с серьёзным видом философа ответил Рома, будто решал не игровую, а боевую задачу.

Наконец он выбрал цель, прицелился. Лёгкий кий с красным лазерным наконечником лёг в привычный упор. Удар! Виртуальные шары с тихим эфирным звоном разлетелись, рассыпавшись по полю и исчезая за его пределами фейерверком цифровых искр.

Зоя и Василиса, наблюдавшие за игрой с соседнего дивана, тихо рассмеялись. Рома, удовлетворённо кивнув, отложил кий и оглядел уютное, тёплое пространство комнаты. И вдруг, ни с того ни с сего, его пронзила короткая, холодная мысль. Ему показалось, будто из-за чьего-то плеча на него смотрит Полярин. Тот самый, тяжёлый, ненавидящий взгляд. Он даже непроизвольно напрягся, но тут же осёкся. Нет. Алфёрова здесь не было. Его не было среди их вечера, их смеха, их общего, хрупкого покоя. Но тень от его присутствия, казалось, всё ещё витала где-то на периферии, холодным пятном на общем тепле.

Вектор, уставший за день, не очень хотел тусить в кают-компании, а увидев ребят и Наташу, мило беседующую с Валерой, окончательно почувствовал себя измотанным. Сочтя себя лишним в этой тусовке, он устало поплёлся к себе.

Каюта встретила его гробовой тишиной, нарушаемой лишь навязчивым гулом вентиляции. Он швырнул сумку в угол, и звук упавшей на пол ком-панели прозвучал неестественно громко. Захлопнув дверь, он прислонился к ней затылком, пытаясь вытеснить из головы чужие улыбки. И в этот момент мир поплыл.

Сначала это было просто головокружение, будто после слишком резкого подъёма. Затем в висках застучало, а по спине, словно ледяные пальцы, поползли струйки холодного пота, пропитывая рубашку. Воздух стал густым, сиропообразным, им было тяжело дышать.

И тогда погас свет.

Не выключился – а будто взорвался короткой, ослепительной вспышкой, сменившейся кромешной тьмой. Через долю секунды – снова вспышка, жёсткая, выбеливающая контуры комнаты. Мигание стало учащаться, превращая пространство в стробоскопический кошмар: чернота – резкий белый свет, выхватывающий уродливые тени, – снова чернота. В эти доли секунды, когда сетчатка выжигалась светом, в центре комнаты начал проступать силуэт.

Свет замер, заливая каюту мертвенным, ровным свечением. И Вектор увидел.

Перед ним стоял *он сам*.

Это была не игра света и тени, не плод больного воображения. Это была плотная, материальная реальность. Двойник, но исправленный временем и страданием: лицо было жёстче, скулы острее, в уголках губ залегли непрожитые морщины. Но главное – глаза. В них горела пугающая, фанатичная решимость, смешанная с такой бездонной тоской, что Вектору захотелось закричать.

– Что... – хрип вырвался из его пересохшего горла, больше похожий на стон.

Двойник не ответил. Вместо этого воздух слева от него заволновался, задрожал, как над раскалённым асфальтом. И из этой дрожи, будто из ниоткуда, материализовался мальчик. Невысокий, шуплый, в очках с толстыми линзами, которые сползли на нос. Вектор узнал в нём себя. Десятилетнего. Беззащитного.

Ледяной ужас сковал его тело. Он инстинктивно отпрянул, прижавшись спиной к гладкой, холодной поверхности двери. Пальцы в панике заскользили по металлу, ища ручку, рычаг,

хоть какую-то неровность – но дверь была абсолютно гладкой, как отполированная плита. Выхода не было. Он был заперт в этой комнате с самим собой.

Повзрослевший двойник сделал шаг вперёд. Вектор почувствовал это движение внутри себя – напряжение в мышцах ноги, смещение центра тяжести. Он с ужасом осознал: между ними существует чудовищная, невидимая связь. Он – пассивный наблюдатель в собственном теле.

В руке двойника появился нож. Не обычный, а какой-то архаичный, с широким, отливающим холодной чёрной сталью клинком. Он выглядел нелепо и абсолютно реально одновременно.

– Нож должен быть в крови, – произнёс взрослый Вектор, и его голос прозвучал как скрежет камней. В нём не было злобы. Только бесконечная, изнуряющая боль и железная решимость. – В моей крови. Это единственный способ.

Маленький Вектор замер, глядя на лезвие расширенными от ужаса глазами. Он не кричал. Он, казалось, всё понимал.

– Нет! – наконец вырвалось у настоящего Вектора. Он бросился вперёд, забыв о страхе, движимый слепым инстинктом защиты. Но его двойник, не отрывая взгляда от мальчика, просто отбросил его в сторону одним движением, будто смахнул назойливое насекомое. Удар был нефизическим – волной шока – чистого, парализующего волю.

Взрослый Вектор обрушился на ребёнка.

Первый удар ножом прозвучал приглушённо. Потом – второй, третий. Маленький Вектор наконец вскрикнул – пронзительно, не по-детски, звуком разрываемой души. Крики смешались с ударами стали о хлопковую ткань.

– Я должен! – рычал взрослый, теряясь в стробоскопических вспышках. – Чтобы ужасное... никогда... не произошло!

Мальчик рухнул на пол. Его очки, слетевшие с лица, покатались по пластику. Маленькое тело дёрнулось раз, другой и замерло. Взгляд стеклянных глаз был устремлён в потолок, в никуда.

Вектор лежал, прижавшись щекой к холодному полу. В его сознании что-то надломилось. Граница между реальностью и кошмаром рухнула. «Я сошёл с ума», – пронеслось в голове чистой, ясной мыслью, и в этой ясности было самое настоящее безумие.

И тогда взрослый Вектор повернулся к нему.

В его глазах не было ни ненависти, ни гнева. Только бесконечная, завершающая жалость. Он подошёл, заноса сверкающий нож.

– Прости, – прошептал двойник. И это было самое ужасное.

Клинок вошёл. Вектор не почувствовал боли – лишь сокрушительный удар, выбивающий воздух из лёгких. Потом ещё один. И ещё. Он судорожно вцепился руками в грудь, ожидая хлещущей теплоты, но под пальцами была лишь целая, сухая ткань учебной формы. Крови не было.

Но сознание уже катилось в чёрную, беззвучную пустоту. Последним, что он увидел перед тем, как тьма поглотила его полностью, было лицо собственного двойника, склонившееся над ним с выражением скорби и странного, непостижимого облегчения.

Армавир сидел в кают-компании, уткнувшись в светящийся экран ридера, но буквы упрямо расплывались перед глазами, отказываясь складываться в смысл. Тишины, необходимой для чтения, не было и в помине. Рома и Тamar вели на бильярдном столе ожесточённую, полную азартных выкриков и стука киев войну. Василиса и Зоя на соседнем диване то и дело взрывались сдержанным, звонким смехом. Валера и Наташа, сидя у иллюминатора, оживлённо обсуждали последние корабельные новости.

Это был обычный, шумный, живой вечер – тот самый фон, на котором отдыхает уставшая за неделю молодость. Но сегодня этот гул действовал Армавиру на нервы, как назойливое жужжание. Раздражение, тихое и беспричинное, копилось где-то под ложечкой. Требовать тишины здесь было бы верхом идиотизма – всё равно что прийти на стадион и просить публику замолчать, потому что захотелось вздремнуть.

«Не место для чтения», – с досадой констатировал он про себя и, извинившись перед компанией, направился в каюту, мечтая о тишине и уединении.

Он подошёл к двери, поднёс карту-ключ к считывателю. Панель мигнула зелёным, и с лёгким шипящим звуком дверь начала плавно отъезжать в сторону, скользя в специальную нишу в стене. Но, пройдя лишь сантиметров десять, она вдруг с глухим скрежетом остановилась, встретив невидимое препятствие изнутри. Армавир нахмурился, упираясь ладонью в холодный полированный композит, и с усилием помог механизму, подтолкнув створку дальше. Она с неохотой, рывками, продолжила движение, обнажая узкую щель.

И Армавир замер.

На полу, прямо под самой дверью, в неестественной, скрюченной позе лежал Вектор. Его тело, прислонившееся к створке изнутри, и мешало её ходу. Лицо было страшно бледным, глаза закрыты, одна рука закинута за голову, другая – бессильно раскинута в стороне.

Ледяная волна ужаса на секунду сковала Армавира. Потом инстинкт заставил его действовать. Он боком протиснулся в каюту, рухнул на колени рядом с другом и, дрожащими пальцами, нащупал его шею под краем воротника. Кожа была холодной и влажной, но под подушечками пальцев отдавался слабый, но отчётливый, живой ритм – пульс.

Облегчение ударило так сильно, что на мгновение потемнело в глазах. Армавир судорожно глотнул воздух, отшатнулся, вскочил на ноги и вылетел в коридор, уже крича на бегу: – Помощь! Срочно нужен врач! Каюта 207!

Вектор пришёл в себя в лазарете. Сознание возвращалось медленно, тягуче, как через слой плотного желе. Он увидел белый, слишком яркий потолок, уловил запах антисептика и озона. Осознание, что он не в своей каюте, пришло не сразу.

Едва он пошевелился и попытался сфокусировать взгляд, в палату вошла дежурная медсестра.

– Где... – прохрипел он чужим голосом. – Где...

– Вы в лазарете, курсант, – спокойно ответила девушка, приближаясь к койке и пристально изучая его лицо.

– Нет, – он с усилием помотал головой, пытаясь отогнать остатки кошмара, который ещё цеплялся за сознание. – Где они... мои двойники? Взрослый и... маленький?

Медсестра замерла. Её профессионально-нейтральное выражение сменилось настороженностью. Она автоматически приложила ладонь к его лбу – кожа была прохладной, жара не было. Это исключило обычную инфекцию. Но бред, галлюцинации... В их реалиях это могло означать нечто куда более опасное, чем простое отравление. В памяти сразу всплыли жёсткие инструкции: любой случай психического расстройства непонятной этиологии – потенциальный симптом эстерайского биологического оружия.

– У вас были видения? – спросила она уже совсем другим, сдержанно-холодным тоном.

И Вектор, всё ещё находящийся во власти остаточного ужаса, коротко, обрывочно рассказал ей о том, что видел. Этого было достаточно.

Через двадцать минут его, вместе с медсестрой, которая с ним контактировала, уже поместили в герметичный карантинный бокс. Подозрение на высококонтагиозный, возможно, инопланетный патоген. Диверсанты могли действовать где угодно.

Дальнейшие распоряжения пришли через сутки. Вектора в биозащитном костюме доставили на специализированный корабль-больницу и поместили в изолятор высшего уровня опас-

ности. Анализы крови, взятые в автоматическом режиме через шлюзы, дали результат только через несколько долгих часов. Отрицательный. Эстерайского вируса не обнаружено.

Как и в случае с матерью Зои, речь шла о химической атаке – высокотехнологичном аэрозольном токсине, вызвавшем мощнейшие, сенсорно достоверные галлюцинации. Механизм иной, сила воздействия чуть меньше, но цель та же: устрашение, дезорганизация или ликвидация. Ещё через сутки, после контрольных тестов, Вектора перевели в обычную палату.

К нему пришёл следователь. Вопросы были чёткими, безэмоциональными: подозрительные лица, странные разговоры, необычные происшествия. Вектор, всё ещё чувствуя себя разбитым и опустошённым, мог лишь отрицательно качать головой. Он ничего не видел. Ничего не слышал. Кошмар пришёл из ниоткуда. Следователь, сделав пометку в ком-панели, заключил, что, вероятно, в недрах Королёва или на подступах к нему орудует группа диверсантов, и убыл.

Первыми навестили его, разумеется, родители и двоюродный брат Женя Дубров. Затем, уже на следующий день, примчались ребята. Их лица были бледными от беспокойства. Лечащий врач, допуская их к палате, заверил, что токсин выведен, организм курсанта Лесова восстанавливается, опасности нет. Убедившись, что друг действительно в порядке – бодрится, шутит, хотя тень в глазах ещё оставалась – компания с облегчением улетела обратно.

И только когда они ушли, в опустевшей палате Вектора накрыла тихая, но горькая волна печали. Среди всех этих взволнованных лиц не было одного. Он ждал, почти не дыша, когда дверь откроется и появится она. Но Наташа так и не пришла вместе со всеми.

Она навестила его одна. Только через два дня.

Наташа вошла в палату на цыпочках, застав его спящим. Лицо его, обычно такое живое и насмешливое, в забытьи казалось юным и беззащитным. На мгновение её охватила волна такой острой нежности, что перехватило дыхание. Она бесшумно поставила на тумбочку пакет с фруктами, сменила в вазе увядшие цветы на свежие ирисы и, не в силах сдержаться, нежно провела ладонью по его взъерошенным волосам.

Вектор вздрогнул и открыл глаза. Мир медленно собирался в фокус, и в его центре оказалось её лицо.

– Привет, – прошептала она, садясь на край кровати. Лёгкий запах её духов – что-то свежее, цветочное – смешался с больничным запахом антисептика. – Не могла прийти раньше. Нужно было ждать, пока твои родители уедут. И проверяющие.

– Привет, – хрипло от сна сказал он, но губы сами потянулись в улыбку. Парень нашупал на тумбочке очки и водрузил их на нос, как щит между собой и уязвимостью только что пережитого пробуждения.

Девушка наклонилась, чтобы поцеловать его, но Вектор инстинктивно прикрылся, мягко взяв её за запястье.

– Эй, осторожно. Я же, можно сказать, пациент биоопасного отделения. Только проснулся.

Наташа проигнорировала его слабый протест. Её губы коснулись его губ коротко, но твёрдо – это был не вопрос, а утверждение, печать, снимающая клеймо карантина.

– Как ты? – спросила она, не отдаваясь, её взгляд выискивал в его глазах тени пережитого кошмара.

– В порядке. Живой, – он сделал легкомысленную попытку отшутиться, но она не сработала. Напряжение всё ещё читалось в уголках его рта.

– Больше... этого... не было? – она боялась произносить слово «галлюцинации» вслух, как будто это могло вызвать их снова.

– Нет. Только во сне. И то не так... ярко.

Она взяла его руку в свои, переплетая пальцы. Молчание между ними было не неловким, а тяжёлым, наполненным невысказанным.

– Наташ... он был я, – наконец сорвалось у Вектора, голос его стал тихим и надтреснутым. – Взрослый. И он говорил... что должен это сделать. Чтобы ужасное никогда не произошло. Что это я когда-то совершу... – он замолчал, глотая ком в горле, и отвернулся к окну, за которым мерцали бесстрастные звёзды. – Это был не просто бред. Это было... пророчество. Приговор. Как будто мне уже в десять лет вынесли вердикт: «Этот человек опасен. Его нужно остановить».

– Ветя, замолчи, – прозвучало не как просьба, а как приказ, хоть и тревожный. Она обеими руками повернула его лицо к себе, заставляя встретиться взглядом. – Это был токсин. Химическая атака. Она играет с самым тёмным, чего мы боимся. Это не ты. Ты не способен на такое.

– Но он был так уверен! – в глазах Вектора вспыхнула настоящая паника, та, что он тщательно скрывал даже от себя. – Он смотрел на того мальчика с... с ненавистью и жалостью одновременно. Как на ошибку, которую нужно исправить. Что, если во мне и правда есть эта... червоточина?

– Хватит! – Наташа вскочила, её терпение лопнуло. Она стояла над ним, сжав кулаки, и в её позе была не злость, а яростная, бескомпромиссная защита. – Я тебя знаю. Знаю твои подлые шутки, твоё вечное недовольство Жокей, твою преданность друзьям, даже когда ты ворчишь. Знаю, как ты боишься показаться сентиментальным. Знаю человека, который ради моей сестры придумал целую операцию с голограммой, лишь бы не допустить ссоры. Тот призрак – это не ты. Это ложь. И я не позволю тебе в неё верить. Понял?

Она снова села, сражённая собственной вспышкой, и добавила уже тише, но также твёрдо.

– И я тебя люблю. Вот и вся правда.

Эти слова, сказанные не в порыве страсти, а как последний, неопровержимый аргумент, обезоружили его. Вектор не нашёл, что ответить. Он просто потянулся к ней и притянул к себе, прижавшись лицом к её шее, в пространство между воротником куртки и запахом её волос. Это был жест полного доверия и капитуляции.

– Спасибо, – выдохнул он ей в кожу.

Они так сидели минуту, пока волнение не отступило, оставив после себя лишь усталость и облегчение. Вектор оторвался и, уже с возвращающейся искоркой в глазах, с преувеличенным страданием в голосе пожаловался:

– А кормят здесь, между прочим, так же отвратительно, как в столовой Королёва. Думал, в больнице хоть паёк получше.

Наташа рассмеялась – счастливым, лёгким смехом, который звучал как музыка после тяжёлого разговора. Она вручила ему пакет.

– Держи. Возмещение морального ущерба.

Вектор заглянул внутрь и ахнул с подлинным, детским восторгом:

– Ого! «Шоко-Хруст»? Да ты волшебница! – Он звучно чмокнул её в щёку, оставив влажный след, от которого она скривилась, но глаза её светились.

– Ты, кстати, очень мило выглядишь в этой больничной робе, – прошептала она, дразняще проводя пальцем по краю его хлопкового халата. – Такой... беззащитный.

– Остроумие – моя монополия! – фальшиво возмутился он, но не смог скрыть довольную улыбку.

– Со мной-то тебе не потягаться, – парировала она, и в её тоне вновь зазвучали те нотки дерзкого, интимного заигрывания, которые он обожал и которые появлялись, только когда они были наедине.

– С этим я полностью согласен, – глухо сказал Вектор, и его взгляд стал тёмным и сосредоточенным. Он потянул её за собой в поцелуй, который уже не был ни благодарностью, ни утешением. В нём была вся тоска этих разлучных дней и жадное утверждение жизни.

Наташа ответила с такой же силой, перекинув ногу через его торс и устроившись на его бёдрах, полностью игнорируя хлипкую больничную койку. Её пальцы впились в его волосы, его ладони скользнули на куртку, нащупывая застёжку молнии. Больница, кошмары, токсины – всё это отступило, растворилось в тепле другого тела, в тихом шелесте ткани и учащённом дыхании, заглушавшем монотонный гул систем корабля.

Чтобы навестить Вектора, Наташа прогуляла занятия. Вместо учебных аудиторий – космолёт, вместо лекций – больничная палата. Тогда она не думала о последствиях.

На следующий день краснеть пришлось перед всем взводом.

Сначала комзвезда устроил ей выволочку, затем подтянулась Жокей и потребовала объяснений.

– Итак, курсант Перова, вы без уважительной причины пропустили занятия, – ледяным тоном произнесла подполковник.

– У меня была уважительная причина, – возразила Наташа.

– Какая же? – Виктория Николаевна приподняла бровь.

– Я плохо себя чувствовала.

– В таком случае вы, должно быть, обращались за медицинской помощью? И, разумеется, в электронном журнале есть соответствующая запись?

– Нет, товарищ подполковник, – Наташа опустила взгляд.

– То есть вы чувствовали себя достаточно плохо, чтобы не явиться на занятия, но недостаточно плохо, чтобы обратиться за медицинской помощью? А, может, вы были не в состоянии добраться до медотсека?

Подполковник кипела от злости. Она не скрывала, что издевается, и каждое слово звучало как пощёчина.

Объяснениям Наташи поверили немногие. Поскольку подтверждающей справки она не предоставила, курсанта Перову отправили вне очереди в наряд на кухню.

Прошло несколько дней и Вектора навестил почти весь взвод, пусть и не в полном составе: не было только Наташи, Валеры и Полярина. Общее посещение было коротким – стандартные пожелания выздоровления, шутки, которые звучали немного натянуто. Когда основная группа улетела обратно в Академию, в палате остались четверо: Рома, Тамар, Армавир и Зоя.

Было видно, что Вектору тесно в четырёх стенах. Он сидел на кровати, неловко подоткнув больничный халат, и его пальцы нервно теребили край простыни – тело жаждало действия, а не этого вынужденного покоя.

– Энджи сегодня нас просто взорвал, – начал Тамар, стараясь развеять унылую атмосферу. Он уселся на подоконник, за которым мерцали огни пристыкованных кораблей. – Анонсировал спецкурс: тактика антитеррористического штурмового подразделения. Каждому роль: стрелок-санитар, разведчик, радист, химик, инженер, сапёр...

– Химик – это не только газы, – мягко вставила Зоя, устроившись в кресле рядом с кроватью. – Он ещё и радиационный контроль ведёт. Первым входит в зону заражения.

– А сапёр с ним в паре, – подхватил Рома, прислонившись к стене. Он стоял чуть в стороне, его взгляд был рассеянным, будто часть мыслей витала где-то далеко. – Один ищет «сюрпризы», другой оценивает угрозу. У всех – автоматы и штык-ножи, полный джентльменский набор.

– Руководить учениями будут Евкуров и сам Горный, – добавил Армавир, невозмутимо разглядывая график дежурств на стене. – Говорят, будут водить в лабиринте, который возведут в спортзале. Там атмосферу специально сгущают, свет моргает...

– Звучит как рай, – с горьковатой усмешкой пробормотал Вектор, невольно вспомнив свой стробоскопический кошмар. Но ребята ничего такого не имели ввиду. И Вектор уже с завистью посмотрел на друзей, на их живые, уставшие после учёбы и тренировок лица. – Главное – попасть бы на эти учения. А то я тут как овощ.

– Да, но это, что касается Энджи. Плохо и другое, – с искренней досадой в голосе сказал Тамар. – Ты матч пропустишь.

– Да, без тебя в команде будет не то, – тише, без намёка на шутку, сказал Рома. – Хотя Евкуров, конечно, уже замену нашёл. Какого-то парня из первого отделения.

Фраза Ромы повисла в воздухе. «Парень из первого отделения» – ничего не значащие для других слова, но для Вектора они сработали как ключ, щёлкнувший в сознании. Новость, озвученная другом, напрямую отослала мысли Вектора именно к самому Роме. К тому разговору в полутьме коридора, свидетелем которого он невольно стал.

Пока Тамар и Армавир обменивались парой слов, а сам Рома, сказав это, слегка ушёл в себя, Вектор поймал его взгляд. Почти незаметным движением головы он сделал знак: подойди ближе. Это был жест, лишённый обычной для Вектора иронии, – срочный и требовательный. Момент был подходящий: Зоя что-то увлечённо показывала Тамару на экране ком-панели, а Армавир стал изучать монитор жизненных показателей у кровати.

– Слушай, – прошептал Вектор, наклоняясь вперёд, так, чтобы слова не ушли дальше изголовья кровати. Он оставил всю предыдущую иронию, перейдя на напряжённый, доверительный тон. – Перед тем... как меня накрыло. В тот вечер в коридоре Академии. Я кое-что слышал.

Рома придвинулся, его поза тоже изменилась – спина выпрямилась, исчезла рассеянность.

– Ну?

– Полярин. Он говорил по компакт, – Вектор помедлил, собираясь с мыслями, будто заново прокручивая тот момент. – Сначала какой-то бред про «способности», «ясновидение»... Я не вслушивался, подумал, он какую-то конспирологическую теорию кому-то втирает. Но потом... потом он чётко произнёс твою фамилию. «Никитин». И сказал... – Вектор заколебался, глядя прямо в глаза другу, – «Он уже достаточно близко. Пора».

Рома не дрогнул, но его лицо стало похоже на маску. Все мышцы застыли в напряжении.

– Потом он меня заметил, – Вектор сухо сглотнул. – И резко оборвал разговор. Смотрю на него, а у него в глазах... не злость даже. Холодный расчёт. Как у снайпера, который уже взял цель на прицел.

Вектор откинулся на подушки, внезапно почувствовав усталость, но взгляд не отпускал Рому.

– Я не знаю, что это за игра, и что значит это «близко». Но это не просто неприязнь, Рома. Это что-то другое. И он настроен по-настоящему враждебно. Осторожнее с ним.

Рома медленно кивнул. Он отвёл взгляд, уставившись в безупречно белую стену, но видел, наверное, совсем другое. В комнате было тихо, лишь монотонно пикали датчики.

– Да, – наконец сказал он, и это короткое слово прозвучало не как подтверждение очевидного, а как тяжёлое, окончательное принятие факта. – Я понял. Спасибо, что предупредил.

В этот момент Тамар обернулся, почуяв перемену в атмосфере.

– О чём это вы тут так сосредоточенно шепчетесь? Планируете побег из этого пятизвёздочного отеля?

Вектор снова натянул на лицо привычную маску лёгкой усталости.

– Да так, Рома рассказывал, как вы без меня Полярину и Валере собираетесь задницы надирать. Завидую белой завистью.

Шутка сработала. Тамар фыркнул, Зоя улыбнулась. Но Рома, отойдя к обзорному окну и глядя в бездну космоса, уже не слышал их. Он слышал только эхо слов Вектора: «Он уже

достаточно близко. Пора». И в тишине собственного черепа этот шёпот звучал громче любого сигнала тревоги.

Притча и матч

Состязание по регби обещало стать событием сезона. Вся Академия с нетерпением ждала матча в «Мечте Сергея» 19 ноября. Тренировки под началом Евкурова превратились из тяжёлой работы в добровольную пытку. Полковник выжимал из них не просто пот, а что-то сокровенное, животное – ту самую волю к победе, что должна была перевесить в решающий момент.

На одной из таких изматывающих тренировок, когда мышцы горели огнём, а в горле стоял вкус крови, Рома, отдышавшись, крикнул сквозь шум в ушах Тамару и Армавиру:

– Всё просто! Цена победы – вот это! – он махнул рукой на всё поле, на их собственные измождённые тела.

Парни лишь хрипло кивнули, слишком уставшие для слов. Надежда была их единственным топливом. Но они видели и другое: команда Полярина и Валеры не отставала ни на йоту. Напротив, их тренировки приобрели какую-то мрачную, сосредоточенную ярость. Когда во время учебной схватки Рома и Полярин сошлись в захвате, Алфёров, вдавливая плечо соперника, прошипел так, что слышно было только ему:

– Я тебя там разнесу. На куски.

– Посмотрим, – сквозь стиснутые зубы выдавил Рома, вырываясь из железной хватки.

Этот накал давно перестал быть просто спортивным. Он просочился в учебные аудитории, в коридоры, в самую атмосферу взвода. Взгляды, которыми они обменивались, были уже не просто враждебными – в них читалось холодное, нетерпеливое ожидание момента, когда можно будет свести счёты легитимно, на поле. Однажды, случайно столкнувшись в узком переходе, они замерли, как две кобры перед броском. Тамару, Армавиру и Валере пришлось буквально вклиниться между ними, отталкивая друзей в разные стороны, – тишина в тот момент была звонче любого крика.

В пятницу, перед парой у Горного, аудитория была наэлектризована предстоящей игрой. Ребята рассредоточились по рядам, перебрасываясь колкостями, как гранатами.

– Ну что, готовы завтра землю жрать? – прогудел Валера со своего места, его широкое лицо расплылось в самодовольной ухмылке.

Тамар, не оборачиваясь, ввернул:

– Ты бы лучше себе местечко на лавочке запасных присмотрел. А то вылетишь в первом же тайме, будешь с грустью смотреть, как мы вас рвём.

– Места хватит всем, – вдруг, тише, но отчётливо, вступил в разговор Полярин. Он сидел через ряд от Ромы и смотрел не на Тамара, а прямо на Никитина. – Особенно на кладбище. Для проигравших.

– О кладбище поговорим после игры, – холодно отрезал Рома, встречая его взгляд. – А пока что у меня, в отличие от некоторых, есть дела поважнее. И девушка, которая ждёт не дождётся, как я вам устрою праздник.

Он намеренно сделал ударение на последнем, и это сработало точнее прямого удара. Лицо Полярина окаменело. Все его мускулы напряглись до дрожи. В аудитории наступила тишина, все почувствовали, как воздух сгустился до состояния взрывчатки.

– Завтра, – прошипел Алфёров, и в этом слове был весь его ледяной гнев. – Завтра ты от меня не уйдёшь. Я тебя порву. Клянусь.

– Сначала догони, – невозмутимо бросил Рома, но его пальцы непроизвольно сжали край стола. – Сначала победы. А потом клянись, сколько влезет.

– Мы победим. Сто процентов.

Уверенность в голосе Полярина была настолько абсолютной, настолько лишённой тени сомнения, что это привлекло внимание человека, до сих пор молча наблюдавшего за этой пере-

палкой со своего стола. Николай Васильевич Горный отложил световое перо и медленно поднял глаза.

– Курсант Алфёров, – его возглас, ровный и спокойный, разрезал напряжённую тишину, как лезвие. – Вы только что употребили выражение «сто процентов». Интересно, на чём основана такая... математическая точность в прогнозе?

Полярин, застигнутый врасплох прямым вопросом преподавателя, на секунду смешался. Но высокомерие быстро вернулось.

– Интуиция, товарищ полковник. И знание своих сил.

Горный слегка наклонил голову, его пронизательный взгляд, казалось, сканировал не только лицо Полярина, но и саму суть этой уверенности.

– Сто процентов – это отсутствие вероятности ошибки. В природе, курсант, такого не бывает. Даже у нейтронной звезды есть шанс, пусть исчезающе малый, распасться в следующий миг. Абсолютная уверенность – признак слепоты. Или глупости.

В аудитории замерли. Горный редко вступал в подобные стычки, но когда это происходило, его слова имели вес пушечного ядра.

– Позвольте проиллюстрировать, – продолжал он, обводя взглядом всех присутствующих. Его тон стал чуть более задумчивым, повествовательным. – Есть одна притча, кочующая по галактическим сетям. Её приписывают цивилизации Прогресс, что само по себе сомнительно – уж больно узнаваемы в ней... эстерайские корни. И технология, описанная там – сверхсветовой двигатель – была на тот момент только у империи. Моя гипотеза: эстерайцы любят приписывать свои провалы покорённым народам. Очищают таким образом летопись. Но суть от этого не меняется.

Так или иначе, история гласит, что исследовательский корабль прилетел на малоизвестную планету Моринга на краю галактики. Первое, что увидел экипаж, спустившись к поверхности – одинокую фигуру, неподвижно парящую в воздухе над пустынной равниной прямо под их кораблём. Один-единственный абориген. Радость и облегчение прогрессиианцев были безмерны. «Мирный полпред, – решили они. – Явно пришёл выразить почтение, проводить к своим правителям». Одиночество пришельца их не насторожило, а успокоило. Какая угроза может исходить от одного существа?

Бортовой интеллект, однако, бил тревогу. Его алгоритмы, лишённые эмоций, выдавали холодные предупреждения: объект не подаёт идентификационных сигналов, не отвечает на запросы, его поза не выражает ни агрессии, ни подчинения – лишь выжидание. Он мог быть примитивным. Он мог быть изгнанником, сосланным на эту пустынную планету-тюрьму. А мог быть чем-то совершенно иным. «Не приближаться», – настаивал компьютер.

Но прогрессиианцы были уверены. Они посмеялись над «параноидальной железкой», отключили назойливые оповещения и торжественно спустились по рампе.

Существо, ожидавшее их, было негуманоидным. Массивная чёрная сфера, левитирующая в метре от земли. Внутри, предположительно, находился орган полёта – нечто вроде водородного пузыря. Реактивная струя едва заметно вырывалась из-под лохмотьев у основания. От туловища, оплетённого сетью пульсирующих сосудов, отходили угольно-чёрные, изломанные конечности-прутья. Посередине – вертикальная щель, усаженная иглами-зубами. А по бокам от неё... глаза. Три с одной стороны, три с другой. Буро-жёлтые, с круглыми чёрными зрачками, неподвижные и абсолютно чужие.

Прогрессиианцев это не испугало. Их распирало любопытство. Они приблизились, разглядывая диковинку, замороженно наблюдая, как подрагивают мускулистые жгутики на её теле. Их самоуверенность была таким же щитом, как и их скафандры.

Они не понимали, что уже пали жертвами обмана. Существо было мощным телепатом – способность, укоренённая в его расе. Пока его двойник, искусная проекция, держал их вни-

мание, истинный хозяин планеты, невидимый для глаз и датчиков, бесшумным скользящим полётом миновал ошеломлённый экипаж и направился к открытой рампе корабля.

Комедия положения достигла апогея, когда прогрессианцы, наконец, заметили несуразность: их «гость» начал отдаляться, не меняя позы. И в тот же миг иллюзия рассыпалась. Двойник испарился, как мираж. Ошеломлённые, они обернулись – и увидели, как последние метры ramпы с гулким стуком втягиваются в корпус их собственного звездолёта. Чёрная сфера была уже внутри.

Они бросились в погоню, отчаянные, понимающие. Но было поздно. Корабль, с лёгким гулом плавно оторвался от поверхности, развернулся и, пронзив атмосферу, исчез в чёрном бархате космоса, оставив их на пустынной планете. Проклятия сменились леденящим молчанием. Они стали аборигенами. Навсегда.

Николай Васильевич замолчал, дав истории осесть в сознании курсантов. В аудитории стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь гудением вентиляции. Ребята переводили взгляды с преподавателя на каменное лицо Полярина, на сжатые кулаки Ромы.

Полярин сдержанно, почти презрительно, усмехнулся. Валера, сидевший рядом, одобрительно хмыкнул, будто история подтверждала их правоту, а не опровергала.

– Эта притча, – продолжил Горный, – чистой воды эстерайское нравоучение, переодетое в чужие одежды. Хотя «Цифровой Близнец» в наших сетях настаивает на авторстве прогрессианцев. Но задайтесь вопросом: негуманоидных форм жизни ни одна из цивилизаций не встречала, да и создавать «пузырь» искривлённого пространства-времени для межзвёздных прыжков под силу было лишь Империи. Впрочем, – он махнул рукой, и на его губах появилась та же, немного усталая улыбка, – это всего лишь притча. Но забавная. И, что важнее, поучительная.

Его взгляд, как луч прожектора, вновь выхватил Рому и Полярина, застывших в немом противостоянии. Аудитория понемногу оживала, слышался скрип стульев, шёпот. Пора было начинать занятие.

– Ладно, хватит сказок на ночь, – голос Горного вновь приобрёл лекторскую твёрдость. – Переходим к сухой, но необходимой материи. Национальный характер народов Эстерау. Сразу оговорюсь: все наши построения – гипотезы, основанные на крупицах. Враг далёк, и портрет его мы рисуем по обрывкам донесений, данным от горстки перебежчиков и показаниям военнопленных.

Он прошёлся взглядом по рядам, оценивая, насколько они готовы слушать.

– Перебежчиков, сумевших добраться до наших рубежей за пятьдесят лет, – считанные десятки. Если учесть, что население Эстерау исчисляется десятками миллиардов, эти единицы – скорее доказательство чудовищной лояльности большинства, а не её отсутствия. И да, – он поднял палец, – каждый из них мог быть засланным агентом. Дезинформация – излюбленное оружие разведки. А нераскрытый враг, внедрённый в наши ряды, может осуществлять свой замысел годами. Помните об этом всегда.

Он вызвал на экран список.

– Итак, черты, которые мы с той или иной долей вероятности приписываем эстерайцам: нестигаемая воля. Скрытность. Фанатичный энтузиазм. Гипертрофированная состязательность. Одержимость статусом и сословной принадлежностью. Патриотизм, переходящий в ксенофобию. Преданность своему виду до полного отрицания иных форм разума.

Но, – Горный сделал многозначительную паузу, – было бы величайшей ошибкой штамповать эти качества на каждого солдата или адмирала. К примеру, какой-нибудь тамошний командир, не допускающий даже мысли о поражении, будет фанатично, до конца верить в собственную победу и идти напролом, несмотря на фактический перевес противника в живой силе и технике, лучшую дислокацию на местности и другие преимущества. И одержит недостижимую победу при безнадёжном раскладе. Или, напротив, отыщется осторожный тактик, который, вопреки общему духу агрессии, отступит при первом признаке превосходства врага,

сохраняя силы. Они – свирепые воины, но не монолитный строй. Понимание этого, умение найти слабину в этой броневой воле – и есть ключ. Это знание может решить исход не просто битвы, но и всей кампании.

Он выключил экран и сложил руки на столе.

– А самая парадоксальная черта, лично для меня, – продолжил он с неподдельным, академическим любопытством, – это сочетание врождённой воинственности с неуёмной, почти жреческой тягой к науке. Всё, что они имеют – технологии, корабли, оружие – плод их собственного, не заимствованного гения. Их цивилизацией всегда двигало дерзание. Познание мира, выход в космос, порабощение чужих солнц... Для такого требуются не только мускулы и дисциплина, но и колоссальный творческий потенциал. Откуда у нации, возвращённой на культ силы, берутся такие умы? – Горный развёл руками, и в этом жесте была вся сложность противостояния с врагом, которого они ещё по-настоящему не знали. – Вот над этим вопросом, курсанты, я предлагаю вам подумать. А пока... откройте учебные модули. Начинаем разбор социальной стратификации эстерайской имперской знати.

Ожидание, мучительное и сладкое, наконец разрядилось взрывом свистка. Матч оправдал всё: накал, злость, надежду. После первого тайма счёт сложился ядовито обидным: 54:58 в пользу команды Полярина. Разрыв – всего четыре очка, но на кону было нечто большее, чем цифры на табло – своего рода моральное превосходство, и Алфёров им наслаждался. В перерыве он расхаживал по краю поля, его улыбка сверкала не просто довольством – она была снисходительной, почти презрительной, когда его взгляд скользил по сгрудившейся, отдыхающей команде соперника. Особенно по Роме.

Никитин стоял, уперев руки в бока, губы его сжимались в белую полосу. Внутри всё кипело, адреналин и злость образовывали гремучую смесь. «Собраться, – стучало в висках. – Эмоции – это роскошь. Победа – необходимость». Он видел эту улыбку Полярина. И она заряжала лучше любого топлива.

Второй тайм начался с обоюдной злобы. Игра уже не напоминала спортивное состязание – это была война на истощение. Через пять минут яростных схваток Тамару удалось вломиться в зачётную зону. Счёт сравнялся: 63:63. Гул трибун прорвался сквозь рёв собственной крови в ушах.

И тут Рома, вырвав мяч из мола, ринулся в прорыв. Зелёное поле под ногами, ветер в лицо, крики сзади. Он уже видел линию ворот... Но боковое зрение зарегистрировало растущую тень – Полярин. Жестокий, точный захват пришёлся в корпус, отбросив Рому к самой боковой линии. Удар о синтетический газон пробил сквозь адреналин. Свисток. Аут.

Ярость, слепая и всепоглощающая, захлестнула Рому горячей волной. Он вскочил, швырнул проклятый мяч в землю так, что тот отскочил на метр, и шагнул к Полярину. Расстояние между ними исчезло. Он видел каждую пору на его разгорячённом лице, холодный блеск в глазах. Кулаки сжались сами собой, тело напряглось для удара.

– Никитин! Стоять! – рявкнул судья, вклиниваясь между ними. Жёлтая карточка замельтешила перед глазами. Первое предупреждение. «Безумец, – пронеслось в голове Ромы. – Ты всё проиграешь из-за этой дури». Он с силой выдохнул, отступил, чувствуя, как товарищи тянут его за форму назад.

Игра, накалённая до предела, продолжилась. На последних минутах счёт был 85:84. Их преимущество. Одно-единственное очко. И у Полярина – мяч. Он получил пас, увидел брешь в обороне и рванул вперёд, как торпеда. Ещё несколько метров – и победа, сладкая и окончательная, будет его.

Но на его пути, словно выросший из-под земли, встал Рома. Не думал. Действовал. Они столкнулись на полной скорости – грудью в грудь. Глухой, мягкий стон вырвался у Полярина,

воздух со свистом покинул его лёгкие. Он рухнул на газон, скрючившись, хватая ртом разреженный воздух арены.

Свисток. Фол. Штрафная попытка соперникам. Но Полярина унесли с поля – он не мог подняться, его лицо было пепельно-серым. Штрафную не реализовали. Судья объявил: дополнительное время.

Оль Голдев, мрачный и сосредоточенный, вывел мяч из схватки. Короткий пас Энрике, неуверенный удар... и моментальная атака соперника. Ошибка. Теперь их штрафной. Армавир, не моргнув глазом, выполнил удар – мяч опустился в считанных метрах от зачётной зоны. Янис, словно тень, подхватил его и вбросил за линию. Ещё пять очков.

Дополнительное время истекло. Счёт – на волоске. И тут Рома, подбив мяч в случайной свалке, увидел перед собой узкий коридор к линии ворот. Ноги сами понесли его. Боковым зрением видел – массивная тень Валеры, набирающая скорость. Сердце колотилось о рёбра. Он сделал последний рывок, чувствуя, как жгучая боль сводит икры, и... очутился в зачётной зоне. Лёгкий, почти небрежный дроп-гол. Мяч, описав дугу, пролетел между штангами.

Наступила тишина. На долю секунды. Потом стадион «Мечты Сергея» взорвался. Грохот, рёв, аплодисменты – всё смешалось в единый ликующий ураган. Рому моментально окружили, схватили, подняли на руки. Мир перевернулся с ног на голову. Он закинул руки вверх, крича что-то беззвучное, и его взгляд, скользнув по трибунам, нашёл её.

Василиса. Она вскочила с места, хлопала в ладоши, её лицо сияло. Рома поймал её взгляд, указал на неё пальцем и, чётко артикулируя, произнёс сквозь вселенский гам:

«Эта победа посвящается тебе!»

Она поняла. Закричала что-то в ответ, подпрыгнув ещё раз. Рядом Тамар оглушительно свистнул, пробиваясь сквозь толпу товарищей, и протянул ладонь. Рома с силой ударил по ней своей – звук был громче любых аплодисментов.

Победу отмечали в «Балдерсе». В тот вечер клуб был взят штурмом: казалось, в нём собралась половина Королёва. Воздух дрожал от басов, смеха и общего ликования. Безалкогольный пунш – оранжевый, сладкий и холодный – лился рекой. Второе отделение, сбившись в шумную, потную и счастливую толпу, праздновало не просто выигранный матч. Они праздновали преодоление. Пиррова, нервная, выстрадавшая победа, которая навсегда останется в анналах их короткой, но уже общей истории. Но даже в этой всеобщей эйфории были свои тихие островки.

Зоя сидела рядом с Тамаром, её бокал с оранжевым напитком оставался почти нетронутым. Веселье, бьющее через край, казалось ей чужим, почти оскорбительным. Её взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, в тревожные мысли, которые не отпускали.

– Неужели у всего есть своя цена? – спросила она вдруг, тихо, но так, что её слова прозвучали чётко даже сквозь грохот музыки.

Тамар, уловив её тон, тут же насторожился. Веселье вокруг померкло.

– Ты о тех, кого купили? – уточнил он, уже понимая, куда клонит её мысль.

– О тех, кого вытеснили с Земли, а теперь они вытесняют нас из жизни, – в её голосе прозвучала горечь. – Вектор. Моя мама... Кто за этим стоит? Курсант-ренегат? Безбилетник с жилого корабля? Что у них в голове, Тамар? Какие ценности могут оправдать это?

– Страх, – предположил Тамар после паузы. – Самый древний и сильный мотиватор.

– Страх? Чего? – Зоя повернулась к нему, её глаза требовали ясности.

– Если это «безбилетники»... попробуй представить их жизнь. Вернее, её отсутствие. Каждый день – борьба за еду, за воздух, за тень, где можно спрятаться. Никакого завтра. Только бесконечное, душающее «сейчас». Будущее для них – не надежда, а чёрная дыра.

– У нас тоже будущее не сахар, – возразила Зоя, но уже без прежней горячности. В её тоне появилось раздумье.

– Конечно. И это не оправдание. Но, наверное, когда страх становится единственным спутником, любые средства кажутся допустимыми, чтобы его заглушить. Даже предательство.

– А тот, кто отравил Вектора? – спросила Зоя, глядя ему прямо в глаза. – Он живёт в тех же условиях, что и мы. У него есть крыша, паёк, будущее. Какой страх может двигать им?

На этот вопрос у Тамара не нашлось ответа. Он лишь развёл руками, и в этом жесте была вся тревожная неопределённость их положения.

– Ладно, хватит о грустном, – с решимостью в голосе сказала Зоя, отодвигая недопитый бокал. – Давай поговорим о чём-нибудь, что не заставляет сжиматься желудок.

– О чём-нибудь приятном? – оживился Тамар, ловя возможность. – И... важном?

Зоя кивнула, с лёгким любопытством ожидая продолжения.

Тамар на секунду задумался, собираясь с мыслями, и начал медленно, подбирая слова, будто ступая по тонкому льду:

– Знаешь, я тут думал иногда... что настоящая ценность – это как раз то, что не даётся просто так. Она требует усилий. Времени, внимания, желания понимать другого человека. Это как... как ухаживать за чем-то хрупким и редким. Не в материальном смысле, а в человеческом.

Он посмотрел на неё, проверяя реакцию. Зоя слушала, её лицо было спокойным, но внимательным.

– И я, – Тамар сделал небольшой вдох, – я не просто готов приложить эти усилия. Для тебя. Мне... это доставляет радость. Просто знать, что я могу быть рядом. Что моё плечо – это твоё плечо. Что моё «всегда» – это обещание, а не просто слово.

Он закончил, слегка смущённый потоком собственных слов, но не отводя взгляда. В его глазах не было пафоса, только твёрдая, простая искренность.

Зоя молчала пару секунд, и по её лицу пробежала тёплая волна. Она не ожидала такой обнажённой, лишённой всякого панибратства, серьёзности.

– Спасибо, – тихо сказала она, – Это... самая лучшая клятва, которую я слышала.

Она наклонилась и чмокнула его в губы – коротко, но так, что в этом касании было больше признательности и тепла, чем в любых громких словах.

– Кстати, – оживился Тамар, – приглашаю тебя и твою маму к нам на День телевидения.

– Ой, а нас уже пригласил папа Ромы, – с лёгким смущением ответила Зоя.

Рома, который в этот момент устроился с Василисой на соседнем диване, резко повернул голову.

– Что? Я об этом ничего не знаю!

– Да, кажется, у них что-то начинается, – пояснила Зоя, и на её лице промелькнула тень улыбки.

– Ничего себе поворот, – пробормотал Рома, явно ошарашенный новостью.

– Что ж, тогда пересечёмся с Вектором, – не сдавался Тамар. – Его как раз в тот день обещали выписать.

Василиса, как по команде, соскользнула с колен Ромы.

– Я иду в бар. Кому чего, кроме Зои, конечно? – бросила она с игривой, но едкой улыбкой.

Зоя лишь устало закатила глаза.

– Раз никто не хочет, я пошла! – весело объявила Василиса и направилась к стойке. На прощанье она едва заметно, но выразительно хлопнула себя по ягодице и призывно подмигнула Роме так, чтобы видел только он. Парень проследил за ней взглядом, в котором смешались восхищение и предвкушение.

– Я больше не могу, – тихо, но с отчаянием в голосе произнесла Зоя, как только Василиса скрылась в толпе. – Жить с ней – это пытка. Бесконечный бардак, эта ужасная музыка, вечные придирки... Я потребую расселения!

– Эй, постой, – мягко вмешался Рома. Его лицо стало серьёзным. – Она... она не такая, как кажется. Дай ей шанс. Прошу тебя. Для меня это важно.

Он посмотрел на Зою с такой искренней, почти умоляющей надеждой, что та не выдержала. Она вздохнула, и напряжение с её лица спало.

– Ладно, – сдалась она, и в её улыбке была тень усталой покорности. – Но только ради тебя.

Рома ответил ей сияющей, благодарной улыбкой.

Всемирный день телевидения

Одиночество Фёдора Никитина после отъезда сына в Академию было не пустотой, а состоянием. Тихим, привычным, как фоновая вибрация корабля. Он смирился с ним, как смиряются с хронической болью – не замечая, пока она не обострится. Мысль о новых отношениях казалась ему абсурдной, почти кошунственной по отношению к памяти жены. До того вечера на презентации проекта «Протуберанец».

Он заметил её сразу. Не потому, что она была самой яркой – нет. Скорее, потому что в шумной толпе менеджеров и инженеров она создавала вокруг себя островок спокойной, сосредоточенной интенсивности. Ирма Иноземцева стояла у стенда, изучая голографическую модель чипа, в которой данные перетекали, как мерцающие потоки света. Стройная, с прямой спиной, она излучала не просто красоту, а ум, сконцентрированный на сути вещей. И когда её взгляд скользнул по залу и на мгновение задержался на Фёдоре, у него возникло странное ощущение, будто его не просто увидели, а рассмотрели. Пронзительно, без прикрас. На её губах играла не кокетливая, а скорее понимающая полуулыбка, словно она считывала историю его одиночества с первого же взгляда.

Фёдор подошёл, движимый импульсом, которого сам не ожидал.

– Любопытная разработка, – сказал он, кивая на голограмму.

Ирма обернулась. Её глаза, тёмные и внимательные, встретились с его.

– Да, – ответила она, выражая не рекламную восторженность, а скорее профессиональную ясность. – Бесконтактный интерфейс. Сводит к нулю механический износ и тепловыделение в точке контакта. Элегантное решение.

Они заговорили о технологии, потом о сложностях внедрения, о консерватизме флотских чиновников. Разговор тек легко, без вымученных пауз. И где-то между обсуждением пропускной способности и проблем логистики между ними пробежала та самая искра. Не яркая вспышка страсти, а тихий разряд узнавания. Фёдор, к собственному изумлению, почувствовал почти забытое тепло где-то в области солнечного сплетения. После смерти жены он отгородил эту часть себя наглухо, и вот теперь щель в броне дала тончайшую трещину, сквозь которую пробился свет.

Встречались они редко – оба были заняты, оба не из тех, кто бросается в омут с головой. Но каждая такая встреча – неспешный ужин, совместный просмотр архивной передачи с Земли, разговор у иллюминатора – была для Фёдора глотком свежего воздуха. Она не заполняла пустоту, оставленную отъездом Ромы. Она заставляла по-новому взглянуть на пространство вокруг неё. Жизнь, казалось, снова обретала оттенки, а не только чёрно-белые тона долга и памяти.

Но вселенная, как любил говорить Фёдор сыну, имеет склонность к балансу. Идиллия редко остаётся без своего противовеса.

Ирма, с её сочетанием ума, харизмы и недостижимого спокойствия, не могла не привлекать внимания. Среди её поклонников был и Илларион Алфёров – влиятельный, амбициозный, привыкший получать то, что хочет. Его ухаживания были настойчивым, почти деловым предложением. Он пригласил её на ужин в самый престижный ресторан сектора, но допустил роковую ошибку – опоздал. Всего на двадцать минут. А когда явился, застёгнутый на все пуговицы своего самомнения, то обнаружил, что Ирма уже дала согласие другому. Фёдору Никитину.

Алфёров принял новость с ледяной учтивостью, лишь едва заметно дрогнула мышца на его скуле. Он не подал виду. Не стал устраивать сцен. Фёдор, человек по натуре не подозрительный, даже подумал, что тот, возможно, и не придавал значения этой случайности. Он ещё не знал, что в тот вечер в сознании Иллариона Алфёрова произошёл тихий, беззвучный щелчок. Соучредитель его компании перестал быть просто коллегой. Он стал помехой. А Илларион

Алфёров помех не терпел. Тень будущего противостояния, пока едва различимая, легла между мужчинами, предвосхищая войну, которую их сыновья уже вели в стенах Академии имени Королёва.

Рома добрался до «Мурманска» на общественном транспорте, торопясь успеть домой до прилёта гостей. Он пригласил Василису Архангельскую с родителями, а его отец – семью Иноземцевых. Парень почти бегом преодолел путь до лифта и буквально ворвался в каюту.

Фёдор Никитин накрывал на стол в гостиной – не в столовой, что само по себе было знаком особого приёма. На лице отца играла загадочная, чуть смущённая полуулыбка.

– Я думал, ты прилетишь вместе со всеми, – сказал отец.

– Решил, что тебе, наверное, помощь нужна. С готовкой, с расстановкой.

– И правильно решил, – Фёдор отложил тарелку и подошёл ближе. Внимательный, изучающий взгляд скользнул по сыну. – Ты изменился. Знаешь, я даже подумал, что ты специально задержишься, чтобы избежать всей этой предпраздничной суеты, – он рассмеялся, но в смехе звучала тёплая нота.

Рома тоже улыбнулся, но как-то виновато. Раньше он и впрямь мог так поступить. Но не сегодня. Сегодня в их дом должна была прийти Василиса, и Рома хотел лично убедиться, что всё будет идеально. Конечно, у них не было родового особняка, как у Лесовых, и каюту не украшали дорогие антикварные безделушки. Но уж вкусный, настоящий ужин они с отцом могли устроить обязательно. Питательные смеси и вкусовые имитаторы – не для такого вечера.

Первыми появились Зоя с матерью. Рома сразу заметил перемену во взгляде отца. В обычно серьёзных, даже строгих глазах Фёдора вспыхнули какие-то новые, тёплые искорки, будто он помолодел на глазах. Сын ещё не успел осознать весь масштаб метаморфозы папы, но эта перемена была очевидной.

Фёдор представил сына Ирме Витальевне, Рома познакомил отца с Зоей. После обмена приветствиями гости расположились за столом. Фёдор предложил напитки, чтобы дамы не сидели с пустыми бокалами.

А Рома начал тихо нервничать. Вдруг Василиса не придёт? Рука так и тянулась к Кому, но сейчас это было невозможно – нельзя же отвлекаться от гостей, которые уже здесь.

Фёдор о чём-то тихо беседовал с Ирмой, но Рома не вслушивался. Ему стало неловко за Зою: она сидела почти молча, а он не находил подходящих слов, чтобы развеять её, возможно, скуку. Все мысли крутились вокруг одной точки: когда же, наконец, появится *она*?

И тогда в дверь позвонили. Сердце Ромы отозвалось резким, гулким ударом. Он встал и пошёл открывать.

– Привет, – выдохнул он, распахивая дверь, и лицо само собой озарилось улыбкой.

– Привет, – Василиса стояла на пороге, сияющая. – Может, всё-таки впустишь нас? Или будем любоваться тобой в дверном проёме?

Только сейчас Рома осознал, что застыл, как вкопанный, преграждая путь. Он поспешно отступил, пропуская в каюту Василису и её родителей.

– Здравствуйте, молодой человек, – пробасил отец Василисы, и его голос показался Роме неожиданно низким и грозным. Гость был высок, статен, с цепким, оценивающим взглядом и твёрдой линией рта. В его осанке читалась привычка командовать, что-то неуловимо роднило его с полковником Горным – та же сконцентрированная, несуетливая сила.

Но едва на пороге появился Фёдор, лёд растаял. Вся суровость слетела с лица гостя, словно шелуха.

– Сколько лет, Фёдор? – произнёс он, и широкий жест его рук стал приглашением к объятию.

– Да уж, и не вспомнить! – ответил Никитин-старший, и его смех прозвучал искренне и радушно.

– Так вы знакомы? – почти хором воскликнули Рома и Василиса, наблюдая за этой тёплой встречей.

– Мы с Виктором когда-то бок о бок работали, – пояснил Фёдор, – Давненько это было.

– На другой планете, можно сказать! – рассмеялся отец Василисы, и его громовой, раскатистый смех заполнил каюту.

Рома с удивлением пересмотрел своё первое впечатление. Виктор оказался вовсе не суровым тираном, а человеком широким, шумным и общительным. Его жена, напротив, была его полной противоположностью – миниатюрная, тихая, с мягкой, немного застенчивой улыбкой. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке среди незнакомых людей.

Когда все окончательно расселись за столом, Фёдор поднялся, но не для тоста.

– А теперь, друзья, будет небольшой сюрприз, – объявил он с лёгкой таинственностью.

Рома недоверчиво округлил глаза. Его отец – и сюрпризы? Фёдор Никитин был человеком дела, а не театральных жестов, шутки ценил сдержанно. Что же он мог задумать?

Отец встал и направился в соседнюю столовую.

– Пап, тебе помочь? – вызвался Рома.

– Нет-нет, я справлюсь! – донёсся ответ.

И в этот момент в воздухе появился – сначала едва уловимый, потом всё более явный – упоительный аромат. Запах румяной, запечённой до хруста корочки, смешанный с пряными травами и чем-то глубинным, мясным. От этого узнаваемого, почти забытого запаха настоящей жареной птицы у Ромы слегка потемнело в глазах. Рука дрогнула, и он едва не уронил бутылку, из которой заполнял бокал Василисы. Это пахло не заморозкой и не синтетикой. Это пахло домом.

И вот Фёдор вернулся. В его руках был большой поднос, а на нём, золотисто-коричневый и источающий тепло, красовался огромный запечённый гусь.

– Вот это да... – обалдело выдохнул Рома.

– Ничего себе, живой гусь! – не сдержалась Зоя и тут же, покраснев, поправилась: – Ой, то есть жареный! – Её оговорка вызвала дружный, добродушный смех вокруг стола.

Мысли Ромы лихорадочно завертелись, пытаясь прикинуть стоимость этого гастрономического чуда в «стандартах». Цифры не складывались, зато складывалось понимание, что этот вечер для отца значит нечто большее.

– Где ты его раздобыл? – спросил он, когда Фёдор торжественно водрузил поднос в центре стола. – Его тоже в криокамере с Земли привезли?

– Не совсем, – глаза Фёдора блеснули хитроватым огоньком. – Я его собственноручно приготовил. В новой портативной печи. Её как раз недавно смонтировали в камбузе, пока тебя не было.

– Погоди, а птицу-то живую что ли везли? – усмехнулся Рома, всё ещё не веря в реальность происходящего.

– И тут ты ошибаешься, – вступил в разговор отец Василисы. Его громовой голос придавал словам вес официального заявления. – Мы запускаем проект космо-фермы. С Земли доставлены генетические материалы – яйца кур, уток, гусей. Не обычные, а специальные линии: устойчивые к перегрузкам, с оптимизированным метаболизмом и ускоренным циклом роста. То, что вы видите, – он величаво указал на блюдо, – это, можно сказать, первый опытный образец. Пионер космического птицеводства.

– Именно так, – кивнул Фёдор, с гордостью глядя на своего старого друга. – И мы имеем честь первыми оценить результат труда Виктора и его команды. Гусь с космической фермы.

– В ближайшей перспективе, – продолжил Виктор, – мы наладим регулярное производство прямо здесь, в недрах флота. Если всё пойдёт по плану, зависимость от коллоидов питательных веществ снизится, а цены на натуральные продукты начнут падать. И, кто знает, может быть, скоро протеиновая смесь станет всего лишь воспоминанием.

В то, что еда станет доступной всем, Рома верил с трудом – утопии плохо приживались в экономике выживания. Но сам факт, хрупкий и поразительный, впечатывался в сознание: в стальном чреве одного из кораблей их каравана, нашлось решение, которое однажды накормит их всех.

Фёдор разрезал гуся, раскладывая сочные куски по тарелкам. Аромат стал ещё насыщеннее, смешавшись с запахом специй и общим оживлением.

– Сегодня и правда какой-то особенный вечер, – заметила Василиса, с аппетитом разглядывая своё угощение.

– Так праздник же, – заговорила Ирма. – Сегодня ведь День телевидения, а оно теперь переживает второе рождение. На Земле его почти похоронила Инфосфера, но здесь... Здесь вновь возник запрос на общий эфир. На что-то, что объединяет, а не дробит. Что даёт всем одни и те же новости, создаёт общее информационное поле. Нашу сеть между кораблями мы по привычке зовём Инфосферой, но сами чувствуете, насколько она стала другой – фрагментированной, зарегулированной, местами просто пустой. Новое телевидение должно заполнить эту пустоту. Стать тем самым общим окном в мир Флота.

– Ирма как раз возглавляет один из новых телевизионных каналов, – с лёгкой гордостью в голосе добавил Фёдор, и его взгляд на секунду задержался на ней.

В этот момент Ирма потянулась за салфеткой. Фёдор мгновенно, почти рефлекторно, встал и протянул ей целую упаковку. Их пальцы соприкоснулись – случайно, казалось бы. Но Ирма не сразу отдернула руку, а Фёдор не спешил убирать свою. Это мимолётное касание длилось чуть дольше, чем того требовала вежливость, и в нём таилась глубинная значимость.

И Рома всё понял. Всё встало на свои места: мягкий блеск в глазах отца, его непривычная оживлённость, эта застенчивая таинственность. Ирма Витальевна для Фёдора была не просто коллегой или знакомой. Как и сказала Зоя, между ними было что-то настоящее. Что-то важное.

Парень отвёл взгляд, давая им эту приватную секунду, и, перехватив паузу, произнёс:

– Так у вас профессиональный праздник! Поздравляю!

– Спасибо, Рома, – улыбнулась Ирма, наконец отняв руку, но лёгкий румянец остался на её щеках.

Гусь оказался невероятным. Мясо таяло во рту, а корочка хрустела, отдавая пряностями. Рома ловил себя на мысли, что не помнит ничего вкуснее за всю свою жизнь. Закончив со своей порцией, он взглянул через стол на Зою и заметил, что та не ест, а почти украдкой смотрит в Ком под столом. Выражение её лица было отстранённым и грустным.

Василиса, сидевшая рядом, тоже это уловила. Наклонившись к подруге, она тихо спросила:

– Что-то случилось?

– Тамар, – вздохнула Зоя. – Он сейчас в особняке Лесовых празднует День приветствия, а я... – Она запнулась, подбирая слова, которые бы не звучали как упрёк, но они всё равно вышли такими: – А не со мной.

– Да, сегодня же двойной праздник, – заметил Рома, пытаясь сгладить неловкость. – У нас, вот, День телевидения, а у Тамара с Вектором – День приветствия. Кому что ближе.

– Да не в том дело... – начала Зоя, и Роме показалось, что она расстраивается не на шутку.

– Прошу прощения, – вежливо извинился Рома перед всеми и отошёл от стола. Ему в голову пришла простая, но блестящая идея. Он достал компакт и быстрым движением пальцев набросал Вектору сообщение: «Засиделись? Давайте все в «Балдерс»!». Ответ пришёл почти мгновенно: «Идея огонь! Встречаемся там». План был принят на ура, да и домашний ужин естественным образом подходил к концу – от великолепного гуся остались одни косточки.

Родители Василисы начали собираться, благодарить хозяев. Ирма Иноземцева не торопилась, и Рома подумал, что отец, возможно, даже рад будет остаться с ней наедине после ухода остальных гостей.

– Рома, можно тебя на минутку? – позвал Фёдор, когда гости уже прощались в прихожей. Рома кивнул, собрал со стола несколько пустых тарелок и прошёл за отцом на кухню.

– Я, вообще-то, кое о чём тебе не говорил, – начал Фёдор, опершись о столешницу. Он смотрел в сторону, и было видно, как непросто ему даются эти слова. – Про Ирму... Мы... – Он сделал паузу, чувствуя себя немного не в своей тарелке, но и скрывать от сына правду не хотел.

– Пап, я всё увидел, – мягко перебил его Рома. – Всё понял. Не надо объяснять.

Фёдор облегчённо выдохнул, и напряжение с его плеч словно спало. Как же это ценно – когда самые важные вещи не требуют долгих разговоров.

– И... как она тебе? – всё же спросил он, уже более уверенно.

– Нормально, – пожал плечами Рома, и в его улыбке не было притворства. – Если у вас всё серьёзно, я только за. Я вижу, она тебя... оживляет. – Он на секунду замаялся, но потом спросил то, что интересовало его не меньше: – А как тебе Василиса?

Улыбка Фёдора стала сложнее, в ней промелькнула тень раздумья, даже лёгкой озабоченности, которую он тут же попытался скрыть.

– Василиса... Девушка яркая. Сильная. Непростая, это сразу видно, – осторожно подобрал он слова. – Но главное, сынок, чтобы она тебе нравилась. Чтобы тебе с ней было хорошо.

Рома кивнул, улыбаясь, но так и не расшифровал до конца этот сдержанный отцовский вердикт. Впрочем, он и не нуждался в расшифровке. Отец был прав: главное – это тепло, которое разливается внутри, когда она рядом. А всё остальное – уже детали.

Наташе казалось, что время замедлилось. Ужин тянулся долго и нудно, а себя она ощущала завязшей в янтаре мухой. Атмосфера в гостиной особняка Перовых была душной и тяжёлой, несмотря на весёлые лица родителей и звон бокалов. Гнетущее присутствие Валеры ощущалось почти физически – его взгляд, тяжёлый и прилипчивый, словно сковывал её движения, лишал воздуха.

Полярин Алфёров, сидевший напротив, лишь усугублял дискомфорт. Наташа ловила себя на желании просто исчезнуть – убежать в свою комнату, запереться, спрятаться от этого спектакля. Но она знала – родители не поймут. А хуже всего было то, что они искренне радовались, видя её рядом с Валерой. Эта их радость становилась ещё одной невидимой стеной, отгораживающей её от собственной жизни.

Вибрирующий в кармане компакт стал спасительным якорем в этом море фальши. Извинившись перед гостями, Наташа вышла из-за стола, чувствуя на спине жгучий, неодобрительный взгляд Валеры. Лишь оказавшись в пустом коридоре, она позволила себе сделать глубокий, свободный вдох.

На экране – Василиса.

– Привет, – раздался в трубке энергичный голос. – Как там в царстве семейной идиллии? Ещё не лезешь на стену от скуки?

– Почти что, – сдавленно призналась Наташа, прислонившись к прохладной стене.

– Так хватит это терпеть! Мы всей толпой в «Балдерсе» собираемся. Рома, Зоя, Тамар и другие. Давай к нам, наконец-то по-человечески повеселимся!

– Я бы с радостью, но...

– Но что? – Василиса перебила её с такой безжалостной лёгкостью, что у Наташи ёкнуло внутри, будто её уличили в трусости. – Придумай что-нибудь. Ты же не на гауптвахте.

– Не уверена, что получится...

– Не уверена – значит, не хочешь, – отрезала Василиса, и связь прервалась.

Вернувшись за стол, Наташа сразу наткнулась на тяжёлый, вопрошающий взгляд Валеры. Каждая минута рядом с ним отливала свинцом в душе. А одна лишь мысль о том, что этот человек всерьёз рассматривается её семьёй как её будущее, вызывала тихую, леденящую панику.

– Кто беспокоил? – спросил Незадачин, и в его тоне сквозило не просто любопытство, а право на этот вопрос.

– Василиса, – ответила Наташа, стараясь звучать нейтрально. – Зовёт всех в «Балдерс». Ребята там собираются.

– В «Балдерс»? – оживился Полярин, перехватывая инициативу. – Отличная идея! Почему бы не сменить обстановку?

– О, да! Я за! – тут же подхватила Саша, младшая сестра Наташи, сияя от предвкушения.

– Что-то я не уверена, – промолвила Наташа, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

– Это ещё почему? – Валера искренне удивился, и его удивление было хуже любого раздражения. Оно обнажало пропасть между их мирами.

Внутри Наташи всё кричало: «Потому что я не хочу никуда идти с тобой! Потому что этот вечер для меня – пытка!». Но слова застревали в горле, скованные правилами приличия и любящими, но слепыми взглядами родителей.

Не говоря больше ни слова, с плотно сжатыми губами, Наташа отодвинула стул и вышла, чтобы надеть куртку. Это не было согласием. Это было молчаливым отступлением к единственной двери, которая сейчас вела к глотку свободы.

Рома, Василиса и Зоя вошли в «Балдерс» почти одновременно с Тамаром и Вектором. Им удалось занять большой столик недалеко от танцпола, где уже мерцали огни и нарастал ритм музыки. Когда первый заказ напитков был сделан, Вектор, оглядевшись, сообщил:

– Кстати, я звонил Армавиру. Кажется, он тоже подтянется. И, возможно, не один – намекнул, что хочет пригласить кое-кого, но не знает, как подступиться.

– И кто у нас кандидатка? – с лёгкой ухмылкой поинтересовался Тамар.

– Как кто? Гузель, конечно! Ты что, совсем слепой? Не замечал, как он на неё пялится?

– Честно? Не приглядывался.

Услышав имя Гузель, Зоя помрачнела, будто тень легла на её лицо. Неприятные воспоминания были ещё слишком свежи. Она не знала, как Армавир смотрит на Гузель, но отлично помнила, как Гузель смотрела на Тамара.

– А вот и Наташа, – заметила Василиса. – Оказывается, они уже за отдельным столиком.

Рома видел, как лицо Вектора озарилось мгновенной, непроизвольной улыбкой, которая так же быстро и погасла. Наташа сидела за столиком по ту сторону танцпола в компании двух мрачных теней – Полярина Алфёрова и Валеры Незадачина. Видеть любого из них Роме сейчас не хотелось. Он перевёл взгляд на Вектора, и не нужно было обладать даром телепатии, чтобы прочесть в его застывшем лице целую гамму чувств: раздражение, ревность, беспомощную злость. Рома понимал его как никогда.

Василиса, помахав рукой подруге, поднялась и пошла ей навстречу. Рома не слышал их быстрого обмена словами, но его собственное настроение, ещё минуту назад приподнятое, резко снигло. Было ощущение, будто он не сам расстроился, а впитал в себя тяжёлую, тёмную эмоцию, исходящую от Вектора. Видеть того, кого любишь, в компании человека, которого презираешь, – это было испытание не для слабых духом. Василиса, казалось, позвала её за свой стол, но Наташа с вымученной улыбкой покачала головой. В том, что это решение, навязанное силой – не возникло никаких сомнений.

Вскоре появились Армавир и, как и предсказывал Вектор, Гузель. И тогда Вектор, казалось, резко переключился. Он направил всё своё обаяние на Гузель – подал ей напиток, уселся рядом, вовлёк в разговор, смеялся её шуткам. При этом его взгляд краем глаза постоянно скользил к Наташе, высматривая в ней реакцию.

Армавир сначала оторопел от такой наглой интервенции, но открыто вступать в конфликт не стал. Вместо этого он удвоил усилия, стараясь перещегоолять Вектора в внимании к Гузель. Между друзьями завязалось странное, молчаливое соревнование – кто остроумнее, кто

галантнее, чьи комплименты изысканнее. Увлёкшись этой игрой, Вектор немного расслабился, а Рома тихо пожалел Наташу. Ситуация для неё складывалась неприятная: не только приходилось терпеть общество Незадача, но и наблюдать, как её парень демонстративно флиртует с другой на её глазах, словно в отместку.

Чтобы отвлечься от этого спектакля, Рома начал заказывать один напиток за другим, будто решил методом проб найти идеальный. В какой-то момент он почувствовал себя переполненным.

– Разрешите отлучиться ненадолго, – бросил он с напускной церемонностью и направился в сторону уборных.

Он уже подходил к двум дверям в узком, слабо освещённом коридорчике, когда его остановил резкий женский голос, прозвучавший так близко и громко, что казалось, обращаются прямо к нему.

– Да что ты себе позволяешь?!

– Я? – растерянно пробормотал Рома, оглядываясь по сторонам. Вокруг никого не было.

– Ты думаешь, я стану это терпеть? – голос звучал гневно и звонко, эхом отражаясь от гладких стен, и было невозможно понять, из-за какой именно двери он доносится.

– Нет-нет, – почти автоматически, тихо ответил Рома. – Вы вовсе не обязаны это терпеть.

Наступила пауза, а затем тот же голос, уже чуть мягче, произнёс:

– Ладно, Стефан, на этот раз я тебя прощаю.

Рома облегчённо выдохнул – буря, казалось, миновала. И только потом до него дошло: он-то никакой не Стефан! Весь этот разговор происходил не с ним.

В этот момент дверь дамской комнаты распахнулась, и оттуда стремительно вылетела девушка. Рома не успел разглядеть её лицо – лишь мелькнувшую копну каштановых волос, в которых играли разноцветные блики светомузыки из зала.

От осознания собственной нелепости – он ведь отвечал на слова, адресованные совершенно другому человеку – по лицу Ромы разлился жар. Он поспешил в мужскую уборную, умылся прохладной водой, пытаясь смыть краску смущения. «Виновата акустика, – убеждал он себя, глядя в зеркало. – Чудовищный просчёт архитекторов. Ведь в этом коридорчике и чего похуже можно услышать.»

Вернувшись к столику, он заметил, как та самая девушка с каштановыми волосами, уже одетая в лёгкое пальто, на прощанье целует Наташу в щёку и направляется к выходу.

– А это кто? – не удержался Рома.

– Саша, младшая сестра Наташи, – коротко пояснил Вектор, не отрывая взгляда от своего бокала. – И похоже, она уже уходит.

Вслух Рома больше не задавал вопросов. Но образ незнакомки – девушки, чьё лицо он так и не увидел, чей гневный голос обратился к нему по ошибке, чьи волны каштановых волос запомнились навязчиво ярко – не покидал его мысли до самого конца вечера, поселившись где-то на периферии сознания тихим, настойчивым вопросом.

Противостояние

Начался декабрь. Зима, не спрашивая ни у кого разрешения, вступила в свои права даже здесь, в стальных недрах кораблей. По всему Флоту была объявлена сезонная адаптация: температура в жилых отсеках понизилась на десять градусов, заставив курсантов кутаться в утеплённую форму. Летняя форма сменилась плотными галифе и юбками, поверх рубашек легли тёплые пиджаки, а в шкафах заняли почётное место вязаные перчатки, длинные шарфы, тяжёлые шинели и шапки-ушанки. Самыми популярными местами стали зимние парки – корабли, где искусственные снегопады покрывали настоящие ели, а в воздухе витал запах хвои и мандаринов. Вся космическая жизнь, от расписания до запахов, теперь настойчиво твердила: «Зима уже здесь!».

И под стать морозу снаружи, внутри у курсантов тоже похолодало – от страха. Приближение зимней сессии витало в воздухе гуще, чем запах снега, и изрядно щекотало нервы.

Однажды, после особенно сложной лекции по Биосигнатурам на экзопланетах, Рому выхода из аудитории мягко, но настойчиво задержала Василиса. Она пристроилась рядом, её плечо почти касалось его, и кокетливо взглянула на него из-под полуопущенных, пушистых ресниц.

– Не хочешь сбежать? – прошептала она, и Рома услышал тёплую, соблазнительную ноту, резко контрастирующую с коридорной суетой. – Выпьем кофе в кают-компании. Согреемся.

Он почувствовал, как привычное тепло разливается по телу от её близости.

Но тут же, как удар встречного сквозняка, нахлынуло холодное осознание: конспекты, даты падения Гатрабии, хронология династий...

– Извини, Василис, – Рома с сожалением покачал головой, стараясь звучать твёрже, чем чувствовал. – Не могу. Мне надо нырять в «Участь Гатрабии». Синицына грозилась вопросами, от которых кровь стынет в жилах. Буквально.

Девушка надула губки – не по-детски обиженно, а с той самой, хорошо знакомой ему, игривой претензией, которая заставляла сердце биться чаще. И в этот момент, глядя на неё, Рома с новой силой осознал, как потрясающе она выглядит в этой строгой, базальтово-серой форме. Пиджак обрисовывал линию талии, а холодный оттенок ткани лишь подчёркивал тепло её кожи и огонь в глазах.

– Кстати, ты в этой форме... просто неотразима, – выдавил он, надеясь, что искренний, хоть и запоздалый, комплимент смягчит отказ.

Василиса ничего не ответила, лишь молча покачала головой, и в её взгляде промелькнула тень разочарования, которая ранила его острее любой упрёка.

Они разошлись. Рома, погружённый в тяжёлые мысли об экзаменах и ещё более тяжёлое чувство вины, пошёл к себе против потока курсантов-ксенолингвистов, болтающих на каких-то щёлкающих и свистящих наречиях.

И вдруг в этом потоке он увидел *их*.

Полярин шагал не один. Рядом с ним, слегка отставая, двигался другой парень – худощавый, с маслянисто-чёрными, коротко стриженными кудрями и невыразительным, словно стёртым, лицом. Но не внешность приковала внимание Ромы, а вспышка в памяти. Что-то ёкнуло глубоко внутри, что-то давно забытое, но знакомое до мурашек. Он был готов поклясться, что видел этого парня раньше. Не в коридорах Академии, а на Земле. В той, другой жизни.

Но где? В городской толпе? В очереди в столовой? В соседнем дворе? Чем больше он пытался ухватить ускользающий образ, тем сильнее он расплывался, как тень в тумане. Имя, место, обстоятельства – всё растворилось, оставив лишь смутное, тревожное ощущение узнавания, лишённое всех подробностей.

Полярин, заметив взгляд Ромы, едва заметно прищурился, а его спутник скользнул по Никитину абсолютно пустым, ничего не выражающим взглядом, будто смотрел на стену, и прошёл мимо.

Короткая встреча длилась секунды, но подкинула в сознание Ромы неразрешимую загадку, маленький, но острый осколок прошлого, вонзившийся в настоящее. Впрочем, суматоха сессии быстро взяла своё. Незнакомец больше не попадался ему на глаза, а гора конспектов и давящий груз предэкзаменационной тревоги оказались сильнее призрака из памяти. Рома, с усилием выдохнув, выбросил этот случай из головы. Были дела поважнее. Но где-то на самом дне, в подсознании, этот образ – стёртое лицо рядом с Поляриным – тихо затаился, как мина замедленного действия.

Экзамен по Основам терраформирования оставил после себя невесомое ощущение пустоты – как будто выжали мозг. Ребята вывалились из аудитории вместе с толпой других курсантов, и общий поток понёс их в сторону столовой на третьей палубе.

– Нет, я всё равно не понимаю, – Армавир шёл, уставившись в пол, и вслух обдумывал собственную мысль. – Герметичность геокупола на чужой планете. Если у него основание контактирует с грунтом, разве молекулы атмосферы не будут диффундировать через почвенные слои? Это же пористая среда!

– Ты о какой земле говоришь? Там может быть сплошной базальт или лёд, – флегматично заметил Вектор, протискиваясь между двумя группами судостроителей. – Не Земля, чтобы песочек был.

– Но теоретически, через почву ведь может... – начал Рома, одновременно активируя пищевой чип. Имитатор в его пальцах издал едва слышный щелчок и потеплел, обещая вкус итальянской пасты. Он поднёс его ко рту.

И мир *погас*.

Не выключился, не померк – а будто кто-то вырвал вилку из розетки вселенной.

На смену яркому свету коридора пришла густая, бархатистая тьма. Перед Ромой раскинулась ночная дорожка. По обеим сторонам, чёрными силуэтами на фоне звёздного неба, покачивались на ветру высокие пальмы. Слепая, уютно светившаяся вилла. Тишину нарушал лишь шелест листьев и далёкий шум прибора.

Это длилось долю секунды.

Рык разорвал идиллию. Низкий, грудной, идущий из самой глотки, полный чистой, животной ярости.

Из-за резных чугунных ворот виллы выскочила тень. Не пёс – а сгусток напряжённых мышц, утопающих в буйстве чёрно-коричневой косматой шкуры. *Тибетский мастиф*. Его лапы с силой отталкивались от асфальта, когти цокали в бешеном ритме. Из открытой пасти, полной клыков, летели слюни. Он нёсся прямо на Рому.

Ледяной ужас сковал всё тело. Ноги стали ватными, в ушах зазвенело. Он всегда их боялся. Этот страх был древним, первобытным, выжженным где-то глубоко в подкорке. Пёс приближался с пугающей скоростью, расстояние таяло на глазах: десять метров... семь... пять...

И тогда он *изменился*.

Тело пса начало расти, распухать, ломая собственные пропорции. Шерсть встала дыбом – косматые, бурые лохмы словно наэлектризовались. Морда вытянулась, рык стал глубже, медвежьим. Пальмы, ночное небо, огни дома – всё это затмила наваливающаяся на него стена звериной плоти, чёрной шерсти и горящего яростью взгляда. Чудовище было уже в прыжке.

Рома инстинктивно отшатнулся, спина наткнулась на чьё-то твёрдое плечо, и он полетел навзничь. Удар об пол не почувствовал. Весь мир сузился до разинутой, слюнявой пасти,

протянувшейся до его лица за долю секунды. Роме показалось, что дыхание зверя – горячее, зловонное – обожгло кожу. Он зажмурился, ожидая боли.

Но вместо этого между его стиснутых от страха зубов прошло что-то холодное и металлическое. Оно мягко, но неумолимо разжало челюсти.

– Вынимай чип, – прозвучал голос. Знакомый. Голос Армавира. Но звучал он приглушённо, будто из-под толстого слоя воды или стекла.

Тьма, пальмы, рычание – всё это схлопнулось, как мыльный пузырь.

Вспышка света. Резкая, болезненная.

Рома лежал на холодном, ребристом полу коммуникационного рукава. Светильники на потолке слепили глаза. Кругом стоял гул голосов, топот ног, звуки жизни, которые теперь казались оглушительными. Он был не в коридоре, а в ответвлении, коротком туннеле, ведущем к столовой.

Первыми в фокус вошли три лица, склонившиеся над ним. Армавир – с встревоженным выражением, всё ещё сжимающий в руке ключ-карту от их с Вектором каюты, которым он, видимо, и разжал ему зубы. Зоя – бледная, с широко раскрытыми глазами, полными неподдельного ужаса. Вектор – с нахмуренными бровями, в глазах читался не испуг, а быстрая, аналитическая тревога.

– Рома! Ты в порядке? Что случилось? – испуганно спросила Зоя.

Вокруг, полукругом, замерли десятки курсантов. Они не шли дальше. Они смотрели. На парня, упавшего в припадке посреди коридора. Взгляды были разными: любопытными, испуганными, брезгливыми.

Рома сел, опираясь на локоть. Голова гудела, но страх уже отступал, сменяясь жгучим стыдом.

– Всё... всё нормально, – выдавил он, голос звучал хрипло и неуверенно. – Просто... голова закружилась. От напряжения.

Парни молча помогли ему подняться. Ноги держали, но слегка дрожали. Вектор не отводил от него изучающего взгляда.

– «Закружилась»? Ты зарычал, Ром. И пытался стиснуть зубы так, что Армавиру пришлось тебе челюсть открывать. Что это было? – не отставал Вектор. Он, переживший атаку химическим токсином, сохранял настороженность, как никто другой.

Рома избежал прямого ответа. Вместо этого он обвёл взглядом застывшую толпу, и его лицо исказила гримаса раздражения и унижения.

– Всё в порядке! – бросил он в пространство, и его голос, окрепший от злости, прокатился по туннелю. – Шоу закончилось! Идите по своим делам!

Напряжение спало. Люди, неловко отводя взгляды, стали расходиться, поток восстановился, постепенно поглощая неловкость момента.

Тогда Армавир молча протянул ему тот самый, едва начатый чип. Рома взял его. Он был тёплым и слегка влажным от его слюны. Рома посмотрел на него, затем на спокойное лицо друга, который умудрился даже в панике действовать с хирургической точностью.

– Спасибо, – тихо сказал Рома, и в этом слове была благодарность не только за чип, но и за возвращение из того тёмного, собачьего ада, в который он только что провалился.

Рома не пошёл в столовую. На настойчивые вопросы Вектора («Ты уверен, что тебе не нужен врач?») он лишь отмахивался, бормоча что-то об усталости после экзамена и желании побыть одному. Ему было не до еды – в горле стоял ком, а в голове гудел набат тревоги.

Вернувшись в каюту, он запер дверь. Тишина, нарушаемая лишь ровным гулом систем корабля, оказалась громче любого шума. Он сел на край своей койки, не включая свет. В пальцах он снова сжимал тот самый чип – теперь уже не безобидную пластинку печатной платы с электродами, а улику. Его сердце бешено колотилось, смешивая остатки животного страха с холодным адреналином ярости.

Он должен был проверить.

С глубоким вдохом, будто ныряя в ледяную воду, он снова активировал чип. Тонкий щелчок. Теплота. Он положил его на язык.

И снова – тьма. Мгновенный, беспощадный переход. Улица не проявилась медленно – она врезалась в сознание: та же тьма ночи, шум моря и те же покачивающиеся тени пальм. И снова – низкий, предсмертный рык из-за ворот. Тень отделяется от тьмы, превращаясь в мчащегося Тибетского мастифа. Те же мышцы, тот же оскал, та же неумолимая скорость сближения.

На этот раз Рома не зажмурился. Он стиснул зубы, впиваясь взглядом в наступающий кошмар, и выплюнул чип на ладонь. Проекция лопнула, как мыльный пузырь, оставив после себя лишь привкус адреналина на языке и сухость во рту. Он снова сидел в своей каюте, в полной тишине, но теперь уже не сомневался.

«Значит, это не сумасшествие. И меня никто не отравил.»

Это было спланировано. Целенаправленно.

В движениях Ромы не было паники. Он включил свой персональный ком-терминал, водрузил на глаз нейро-линзу. Мир окрасился голубоватым светом интерфейса. Рома подключил чип к консоли через беспроводной адаптер. Система опознала его как стандартный пищевой имитатор, но...

Параметры были изменены. Глубоко в прошивке, под слоями стандартного кода, кто-то прописал новые инструкции. Задача «воспроизвести вкусовой профиль» была переписана на «запустить аудиовизуальную последовательность из файла AV-346». Кто-то не просто подменил чип. Кто-то его перепрограммировал.

Сердце Ромы застучало чаще, когда он углубился в системные файлы. Там, среди служебных скриптов, он нашёл *его* – искусно замаскированный под файл журнала, но с иным расширением. *Видеопроекция*. Он запустил воспроизведение прямо в линзе.

Картинка была чёткой, почти фотографической. Та же улица. Те же пальмы. Камера, судя по углу, находилась в руках человека, стоявшего на асфальте. Она неподвижно снимала спокойную ночную сцену. На пятой секунде из-за ворот выбегала собака – тот самый мастиф. Она пробежала по кадру, останавливалась, неслась к «зрителю» и начинала лаять. Громко, агрессивно. На двадцать четвёртой секунде ролик обрывался. Всего 24 секунды ада.

Рома снял линзу, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В голове всё складывалось в мозаику, каждый кусочек которой резал по живому.

Его чип подменили. Подменили на специально модифицированный. На модифицированном был записан ролик, эксплуатирующий его самую глубокую, детскую фобию.

Ключевой вопрос: когда? Он встал и начал мерить шагами тесную каюту. Кошелёк. Чип всегда лежал в кошельке. А кошелёк Рома... Он мысленно прокрутил последние дни. Лекции, библиотека, кают-компания. И вспомнил. Он оставлял его на парте. Всего на пять минут, когда выходил в туалет во время самоподготовки. Глупая, небрежная привычка.

«Дурацкая привычка» – пронеслось в голове. Но это была не его мысль.

Это сказала Василиса. Сказала именно тогда, когда он вернулся и взял кошелёк со стола. Её слова тогда показались милой, слегка покровительственной заботой. Теперь же они прозвучали в его памяти зловещим эхом.

И только она знала про собак. Он сам рассказал ей в парке, доверив свой самый постыдный страх.

Волна жгучего отрицания поднялась из груди. *Нем*. Он изо всех сил попытался отогнать эту мысль, как отгонял того пса. Не могло быть. Не та, что призналась в любви, чьи губы он помнил до сих пор, чьё присутствие заставляло мир играть красками... Она не могла быть настолько... расчётливой. И потом, знаний в программировании, в таком глубоком взломе железа, у неё явно не было. Это требовало навыков уровня инженера или хакера.

Значит, действовал кто-то другой.

Имя возникло само, как на рентгеновском снимке: Полярин Алфёров. Открытая вражда. Явный мотив. У него были и связи, и, возможно, ресурсы. Но как он узнал про собак?

Мысль, от которой ему стало физически плохо: А мог ли он использовать Василису? Могла ли она, не подозревая, проболтаться в разговоре? Случайно, не думая о последствиях. А Алфёров подобрал эту информацию, как ядовитую иглу. Тогда Василиса не виновата. Она стала невольным инструментом. Но это предполагало их общение. Какие у них могли быть отношения? Просто сокурсники? Или что-то большее?

Но даже если так – в чём был смысл? Запугать? Публичный приступ паники был унизи-телен, но не смертелен. Даже если бы всё списали на отравление, он бы отлежался в лазарете, как Вектор, и вернулся. Это была не попытка вывести его из игры надолго.

«Предостережение» – пришло озарение, холодное и ясное. Это был не просто розыгрыш. Это было послание. Кто-то демонстративно показал ему: «Я знаю твои слабости. Я могу досту-чаться до тебя в любой момент, даже в самом безопасном месте. Ты не защищён».

Но от чего предостерегали? От сближения с Василисой? От конфликта с Поляриным? Или от чего-то большего, чего он ещё не понимал?

Смятение и тягостные думы сжимали виски тисками. И тогда, в самой гуще этого хаоса, у Ромы родилась мысль. Безумная, рискованная, но гениально простая. Идея, связанная с чипом, с этой самой видеопроекцией и с тем, как можно превратить оружие, направленное против него, в свой собственный инструмент. Это стоило попробовать. Но не сейчас. Сейчас нужно было успокоиться, всё обдумать и действовать не как жертва, а как разведчик. Как будущий офицер, которого пытаются сломать.

В понедельник, выждав до самого конца занятий, Рома сумел-таки перехватить Василису у выхода из лектория. Всё утро и день он ловил её взгляд, пытался приблизиться на перемене, но она либо была окружена подругами, либо куда-то исчезала в потоке курсантов. В его голове уже начинал зреть назойливый, тревожный вопрос: а не избегает ли она его?

– Василиса, постой. Устал жутко... Не хочешь в кают-компанию? Кофе, полчаса тишины, – он постарался, чтобы в голосе звучала обычная, лёгкая усталость, а не накопившееся напря-жение.

Девушка обернулась, и на её лице сначала мелькнула тень удивления, а затем – та самая, смущающая его до глубины души, тёплая улыбка.

– Хочу. Давно не болтали, – ответила она просто, и Рома с облегчением выдохнул, отбро-сив паранойю. Она согласилась. Значит, всё в порядке.

Но спокойствие оказалось обманчивым. Даже сидя рядом с ней на кожаном диванчике в углу кают-компании, с дымящимися стаканчиками в руках, он чувствовал невидимую стену. Он поёрзал, пытаясь найти удобное положение.

– Неудобная тут мебель, – пробормотал он, больше, чтобы заполнить паузу, хотя и реаль-ный дискомфорт ещё не выветрился из памяти.

– Да? А по-моему, очень даже ничего, – Василиса откинулась на спинку, её движения были плавными, расслабленными. Слишком расслабленными. – Мягко.

– Одна бессонная ночь на этой софе – и ты запоёшь другую песню, – парировал Рома, делая глоток горьковатого кофе.

– М-м, ясно, – Василиса кивнула, и её взгляд на секунду стал отсутствующим, будто она мысленно уже была где-то далеко. – Кстати, о бессонных ночах. Вчера до трёх информационку зубрила. Еле до сорокового вопроса добралась.

– А я уже весь курс проштудировал, – сказал Рома, и тут же пожалел. Это прозвучало как хвастовство, а не как поиск точки соприкосновения.

Но Василиса лишь оживилась. Она повернулась к нему, и в её глазах вспыхнул знакомый, подкупающий огонёк.

– Ты у меня такой умница! – воскликнула она и, неожиданно наклонившись, чмокнула его в щёку. Её губы были тёплыми, а прикосновение – мимолётным, почти дружеским.

И в этот момент Рома почувствовал это особенно остро: разлад. Между её ласковым жестом и той лёгкой, почти неуловимой отстранённостью, что витала вокруг неё всё время. Противоречивые чувства схлестнулись внутри него. «Оставить всё как есть? Не портить момент глупыми подозрениями?» Но образ перепрограммированного чипа, ночной улицы и оскаленной пасти встал перед глазами слишком ярко. Молчать было невозможно.

Он поставил стаканчик на столик. Звук пластика о пластик прозвучал неожиданно громко.

– Вася... – начал он, говоря тише, серьезнее. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она медленно отвела от него взгляд, уставившись в свою чашку.

– А что? – её тон был лёгким, но в нём зазвучала настроженная нота.

Рома сделал шаг вперёд, в запретную зону.

– Между тобой и Полярином... что-то есть?

Он не сводил с неё глаз. И увидел. Увидел, как зрачки её карих глаз резко сузились. Как по идеально гладкому челу пробежала почти незаметная тень – не испуга, а скорее стремительного, лихорадочного перерасчёта. Это была искра, промелькнувшая и погасшая за долю секунды. Но он её поймал.

– Нет, – ответила она. Голос был ровным, слишком ровным, как отрепетированная строка.

– А было? – настаивал он, наклоняясь ближе, чтобы ни одна микроскопическая дрожь ресницы не ускользнула от него.

На этот раз она не выдержала его взгляда. Её глаза опустились, уставившись на собственные пальцы, теребящие край стаканчика.

– Нет, – повторила она, но теперь в этом отрицании уже не было силы. Была усталость. Или что-то другое.

– Тебя что-то беспокоит, Василиса? – спросил он уже мягче, но не отпуская.

– Нет... – она замолчала, и пауза затянулась. Потом она глубоко вдохнула, и когда заговорила снова, в её голосе зазвучала совершенно иная, тоскливая нота. – Знаешь, я просто очень соскучилась по Сочи. По дому. Иногда мне кажется, я отдала бы всё, чтобы снова оказаться там, на нашем полуострове.

– Полуострове? – переспросил Рома, сбитый с толку этим неожиданным поворотом.

– Да, – она подняла на него глаза с неподдельной, щемящей грустью. – Мой дом стоял на маленьком искусственном островке, соединённом с городом длинным-длинным мостом. А по соседству, в таких же виллах, жили Наташа, Полярин и Валера. Мы выросли там, как одна большая, шумная семья. Ты представляешь? Весь наш мирок на клочке земли, окружённом водой... Таких полуостровков вдоль всего побережья построили ещё в прошлом веке. Они были такими... уютными. Защищёнными молом. Не только от штормов, но как будто и от всего мира.

– То есть... они жили буквально в двух шагах? – у Ромы перехватило дыхание. Картина выстраивалась с пугающей ясностью: не просто одноклассники, а соседи. Люди, выросшие в одном закрытом, приватном мире.

– Да, – Василиса кивнула, и на её губах дрогнула печальная, ностальгическая улыбка. – Это было самое прекрасное место на свете. Столько зелени, солнца, запаха моря и сосен... Как бы я хотела снова это увидеть.

Рома смотрел на неё, и его сердце сжалось от странной, двойной боли. От её тоски, которая казалась такой искренней. И от леденящего осознания глубины связей, о которых он даже не подозревал. Они были одним кланом. А он – чужим.

В голове у него тут же всплыла его безумная идея с чипом. Он мог бы. Он мог бы перепрограммировать имитатор, чтобы он проецировал не кошмар, а портал в её воспоминание. Подарить ей кусочек того полуострова, той беззаботности. Сделать это, чтобы стереть подозрения, чтобы увидеть в её глазах настоящую, ничем не омрачённую радость.

Но желание порадовать Василису столкнулось с холодным, рациональным внутренним голосом. Что, если эта ностальгия – часть игры? Что, если это ещё один ход, тонкий и изощрённый? Недостаточно сильный катализатор, – сухо констатировал он сам себе. Рисковать, раскрывать свои возможности и свою догадку о взломе чипа ради сентиментального жеста... Слишком опасно. Пока не ясны правила, по которым ведётся эта тёмная партия.

Рома молча погладил её по руке, сделал ещё один глоток остывшего кофе и мысленно, с чувством досады и обречённости, махнул рукой на свою идею. Щедрость и доверие проигрывали осторожности и страху. И от этой победы разума над чувствами на душе стало горько и пусто.

Предложение Иллариона Алфёрова и его соучредителей было не просто невыгодным – оно отдавало оскорбительностью. Цифра, которую они выставили за долю Фёдора Никитина в «Протуберанце», оказалась до неприличия низкой, насмешкой над включением его наработок, над годами его труда. Фёдор отказал, полагая, что на этом всё и закончится. Он ошибался.

– Рома, ты только вдумайся! – голос отца в компакте был сдавленным от гнева и беспомощности. На экране лица не было видно – только потолок каюты, по которой, судя по всему, метался Никитин-старший. – Они подали на меня в арбитраж! В арбитражный суд Флота! Обвиняют в умышленном причинении вреда бизнесу! Это же верх идиотизма, ведь от успеха компании зависели и мои интересы!

– Пап, но это же явная подтасовка, – Рома сжал трубку так, что пальцы побелели. Он сидел в своей каюте, и внезапно её стены, которые были его крепостью, стали ощущаться как клетка. – Ты же сможешь выиграть? Свидетели, документы...

– Они переквалифицировали всё в имущественный спор! Цель – принудительный выкуп моей доли по их же, бросовой цене. – В голосе Фёдора прозвучала редкая для него горечь. – Я буду бороться. До последней инстанции. Денег потребую уже даже не ради денег, а из принципа. Но... – отец замолчал, и эта пауза была страшнее крика. – Но если проиграю, сын... моя репутация в системе Флота будет уничтожена. Меня выставят жуликом и подрывным элементом.

– Да что этому Алфёрову надо?! – вырвался у Ромы риторический крик отчаяния.

– Ему нужно не «что», сын, – голос отца внезапно стал тихим и усталым. – Ему нужно «кого». Меня. Это... это всё из-за Ирмы. Из-за наших с ней отношений. Это месть. Личная.

Вот оно. Корень зла, обнажившийся с пугающей ясностью. Рома знал, что Илларион Алфёров, член Совета учредителей благотворительного целевого фонда, имеет вес в самой Академии. Доносился слухок, что тот «интересуется» семьёй Никитиных. Но парень думал, что всему виной вражда Полярина, его необъяснимая, ядовитая ненависть. Оказывается, шестерёнки были встроены в более крупный механизм. Вражда отцов, как ядовитый плющ теперь душила их обоих.

Пока что формально Роме ничего не угрожало. Вопрос об отчислении или даже о дисциплинарной комиссии не стоял – он был одним из лучших курсантов, и к его успеваемости или поведению никогда не было нареканий. Но после шума, поднятого Алфёровыми, после тени, брошенной на его отца, атмосфера вокруг него изменилась. Взгляды офицеров-преподавателей стали чуть холоднее, проверки – чуть придирчивее. В коридорах Рома ловил на себе оценива-

ющие, странные взгляды. Пополз шёпот: «Слышал, его могут перевести. В другую академию». Таких прецедентов не было, но сам слух дул как холодный сквозняк по спине – признак того, что почва под ногами перестаёт быть твёрдой.

– Прости, сынок, – прозвучало в трубке, и это «прости» было хуже любого обвинения. Оно означало: «Я втянул тебя в свою войну».

– Ты не виноват, пап, – твёрдо сказал Рома. – Виноват он. Алфёров. Я знаю, что это значит.

Он знал. Он чувствовал эту вражду на собственной шкуре каждый день.

И тут, сквозь гнев и тревогу, в его сознании, как вспышка, возникло решение. То самое, от которого он отказался два дня назад, сочтя его слишком рискованным и сентиментальным.

– Знаешь что, – сказал Рома, и его слова вдруг приобрели новую, стальную окраску. – Те деньги, которые мы выручим за долю в уставном капитале «Протуберанца»... они нам очень понадобятся. И кажется, у меня есть идея, как всё это можно повернуть. Объясню позже. Держись, пап.

Он положил трубку. Тишина в каюте стала теперь не давящей, а сосредоточенной. Идея, на которую он махнул рукой, желая порадовать девушку, теперь преобразилась. Она перестала быть жестом. Она стала операцией. Тактическим ходом в этой внезапно обрушившейся на них войне. И эта мысль, холодная, расчётливая и опасная, захватила его целиком. Вместо страха пришла ясность. Теперь у него была не только угроза, но и цель. И оружие, о котором его враг не подозревал.

Сверш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.